

СТИВЕН КИНГ

The illustration depicts a dark, rainy street scene viewed through a window. In the foreground, a large stack of old, worn books sits on a wooden surface. A fire is burning brightly from the bottom of the stack, with flames reaching up. In the background, several figures are walking with umbrellas, their forms blurred by the rain and distance. The overall color palette is dominated by dark blues, purples, and oranges from the fire.

Кто нашел,
берет себе

Трилогия Билла Ходжеса

Стивен Кинг

Кто нашел, берет себе

«АСТ»

2015

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

Кто нашел, берет себе / С. Кинг — «АСТ», 2015 — (Трилогия Билла Ходжеса)

«Просыпайся, гений» – с этих слов начинается новый потрясающий роман Стивена Кинга, книга о силе Слова, в какой-то степени продолжающая историю, которую писатель начал в романе «Мистер Мерседес», и в то же время перекликающаяся с одним из лучших его произведений – «Мизери». Гений – писатель Ротстайн, прежде бунтарь, а теперь затворник вот уже долгие годы ничего не публикует. Но это не значит, что он ничего не пишет. В его доме – множество черновиков, ждущих «своего часа». Сборники стихов, рассказы и даже продолжение знаменитой саги, изменившей судьбу едва ли не целого поколения фанатов Ротстайна. Но теперь крутой поворот делает судьба самого писателя – черновики похищают, а Ротстайна жестоко убивают... Однако пройдет много лет, прежде чем блокноты писателя вновь всплывут на поверхность, чтобы самым непостижимым образом соединить людей, имевших отношение к трагическим событиям, связанным с Мистером Мерседесом...

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

© Кинг С., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть I	6
1978 год	6
2009 год	12
1978 год	18
2010 год	24
1978 год	33
2010 год	42
1978 год	46
2013–2014 годы	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Стивен Кинг

Кто нашел, берет себе

STEPHEN KING
FINDERS KEEPERS

© Stephen King, 2015

© Перевод. В. А. Вебер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

С мыслями о Джоне Д. Макдональде

Только спускаясь в бездну, мы вновь обретаем сокровища жизни.
Джозеф Кэмпбелл

Дерьмо ни хрена не значит.
Джимми Голд

Часть I Клад

1978 год

– Просыпайся, гений.

Ротстайн просыпаться не хотел. Слишком хороший был сон. Главную роль в нем играла его первая жена, за полгода до того, как они поженились, семнадцатилетнее совершенство от макушки до пяток. Ослепительно нагая. Нагим был и он, девятнадцатилетний, с грязью под ногтями, но она ничего не имела против, во всяком случае, тогда, потому что он жил мечтами, а мечтать она любила. Она верила в его мечты даже больше, чем он сам, и правильно делала. Во сне она смеялась и тянулась к той части его тела, которая сама напрашивалась, чтобы ее схватили. Ротстайн попытался еще глубже уйти в этот сон, но кто-то начал трясти его за плечо, и сон лопнул как мыльный пузырь.

Его девятнадцать остались в далеком прошлом, как и двухкомнатная квартира в Нью-Джерси. Через полгода ему исполнится восемьдесят, и проснулся он на ферме в Нью-Хэмпшире, где завещал себя похоронить. В его спальне находились мужчины. Они были в балаклавах, красной, синей и канареечно-желтой. Увидев их, Ротстайн попытался убедить себя, что это всего лишь другой сон – сладостный соскользнул в кошмарный, как иногда случалось, – но чужая рука еще крепче ухватила его за плечо и скинула с кровати. Он ударился головой и вскрикнул.

– Полегче, – бросил Желтая Маска. – Хочешь, чтобы он отключился?

– Только глянь! – Мужчина в красной маске ткнул пальцем. – У него стояк. Классный, видать, был сон.

Синяя Маска, тот, что тряс Ротстайна за плечо, возразил:

– Стоит, потому что ссать охота. В таком возрасте от другого уже не встает. Мой дед...

– Угомонись, – осадил его Желтая Маска. – Твой дед никого не интересует.

Все еще ошеломленный, не вырвавшийся из объятий сна, Ротстайн тем не менее понимал, что попал в беду. *Незаконное проникновение в дом*, вертелось в голове. Он смотрел снизу вверх на трио, появившееся в его спальне. Голова болела (справа появится огромный синяк, спасибо препаратам, разжижающим кровь, которые он принимал), сердце с опасно истончившимися стенками жутко колотилось. Они нависали над ним, трое мужчин, скрывших лица под всееляющими ужас балаклавами, в перчатках и осенних куртках из шотландки. Налетчики и он, в пяти милях от города.

Ротстайн собрался с мыслями, насколько мог, отгоняя сон и говоря себе, что и в этой ситуации есть светлая сторона: если эти люди не хотят, чтобы он увидел их лица, значит, намерены оставить его в живых.

Возможно.

– Господа... – начал он.

Мистер Желтый рассмеялся и воздел руки с поднятыми вверх большими пальцами:

– Хорошее начало, гений.

Ротстайн кивнул, словно получил комплимент. Взглянул на часы у кровати – четверть третьего, – потом вновь посмотрел на мистера Желтого, возможно, главаря.

– Денег у меня не много, но вы можете их взять. Только не трогайте меня.

Порыв ветра зашуршал листьями у западной стены дома. Ротстайн обратил внимание, что шумит водогрейный котел, впервые с весны. Неужели лето закончилось?

– А нам шепнули, что денег у тебя предостаточно, – возразил мистер Красный.

– Придержи язык. – Мистер Желтый протянул руку. – Поднимайся, гений.

Ротстайн схватился за руку, не без труда поднялся и тут же упал на кровать. Он тяжело дышал, но при этом прекрасно отдавал себе отчет (самоанализ всю жизнь являлся его проклятием и благословением), какую являет собой картину: старик в болтающейся пижаме, вместо волос – облачка белого пуха за ушами. Вот что стало с писателем, о котором в год избрания президентом Джона Кеннеди журнал «Тайм» написал на обложке: «ДЖОН РОТСТАЙН, АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНИЙ-ЗАТВОРНИК».

Просытайся, гений.

– Отдышись, – продолжил мистер Желтый. Голос звучал успокаивающе, но Ротстайн ему не верил. – Потом перейдем в гостиную, где нормальные люди обычно беседуют. Спешить некуда. Успокойся.

Ротстайн задышал медленно и глубоко, и сердце чуть замедлило бег. Он попытался думать о Пегги, ее грудях с чайную чашку (маленьких, но идеальной формы), длинных ногах с гладкой кожей, но сон ушел, как и тогдашняя Пегги, теперь превратившаяся в старую каргу, живущую в Париже. На его деньги. По крайней мере Иоланта, его вторая попытка в обретении семейного счастья, уже умерла, положив конец выплате алиментов.

Красная Маска покинул спальню, и Ротстайн слышал, как тот шурует в его кабинете. Что-то упало. Ящики выдвигались и задвигались.

– Полегчало? – спросил мистер Желтый, а когда Ротстайн кивнул, добавил: – Тогда пошли.

Ротстайна увели в маленькую гостиную. Мистер Синий пристроился слева, мистер Желтый – справа. Погром в кабинете продолжался. Скоро мистер Красный заглянет в стеновой шкаф, сдвинет пару пиджаков и три свитера и обнаружит сейф. Иначе быть не могло.

Ну и ладно. При условии, что они оставят записные книжки, но с чего им брать записные книжки? Таких бандюг интересуют только деньги. Письма в «Пентхаус» – самое сложное, что они способны прочесть.

Вот только Желтая Маска вызывал у него сомнения. Он походил на образованного.

В гостиной горели все лампы, шторы были открыты. Бодрствующие соседи могли бы задаться вопросом, а что происходит в доме старика-писателя... будь у него соседи. Но ближайšie жили в двух милях от него, на шоссе. Он ни с кем не дружил, никто не заглядывал к нему в гости. Редкого коммивояжера тут же отправляли куда подальше. Ротстайн относился к таким странным старикам. Отошедший от дел писатель. Затворник. Он платил налоги, и его не трогали.

Синий и Желтый подвели его к креслу перед телевизором, который Ротстайн включал редко. Он не успел быстро сесть, и Синий его толкнул.

– Полегче! – бросил Желтый. Синий отступил на шаг, что-то бормоча. Мистер Желтый командовал, это точно. Он был главарем и теперь склонился над Ротстайном, уперев руки в колени, обтянутые вельветовыми штанами.

– Выпьешь чего-нибудь, чтобы окончательно прийти в себя?

– Если вы насчет спиртного, то я бросил двадцать лет назад. По настоянию врачей.

– Это хорошо. На встречи ходишь?

– Я не был *алкоголиком*, – раздраженно ответил Ротстайн. Безумие, конечно, раздражаться в такой ситуации... или нет? Кто знает, как следует реагировать, когда посреди ночи тебя вытряхивают из постели мужчины в цветных балаклавах? Он задался вопросом, как описал бы эту ситуацию, и не нашел ответа. В его произведениях такого не встречалось. – Хотя люди исходят из того, что в двадцатом веке каждый белый писатель должен быть *алкоголиком*.

– Хорошо, хорошо, – кивнул мистер Желтый. Он словно разговаривал с капризным ребенком. – Воды?

– Нет, благодарю. Я хочу, чтобы вы ушли, поэтому готов быть с вами абсолютно честным. – Он не знал, знаком ли мистер Желтый с едва ли не главным принципом человеческого поведения: если кто-то говорит, что собирается быть абсолютно честным, в большинстве случаев он станет врать быстрее, чем мчащаяся галопом лошадь. – Мой кошелек на комод в спальне. В нем чуть больше восьмидесяти долларов. На каминной полке керамический чайник...

Он показал. Мистер Синий повернул голову, мистер Желтый – нет. Мистер Желтый с улыбкой изучающе смотрел на Ротстайна, его глаза весело поблескивали из-под балаклавы. *Не срывается*, подумал Ротстайн, но отступить не хотел. Теперь, полностью проснувшись, он не только боялся – он кипел от злости, хотя понимал, что показывать этого нельзя.

– Там я держу деньги на расходы по дому, пятьдесят или шестьдесят долларов. Больше тут нет ни цента. Забирайте их и уходите.

– Гребаное брехло, – фыркнул мистер Синий. – Денег у тебя гораздо больше, дедун. Мы знаем. Поверь мне.

И тут, словно это был спектакль и последняя фраза служила сигналом, из кабинета донесся голос мистера Красного:

– Бинго! Нашел сейф! Большой!

Ротстайн знал, что мужчина в красной маске найдет сейф, но сердце у него все равно упало. Глупо держать в доме наличные только потому, что он не любил кредитные карты, чеки, облигации и прочие финансовые инструменты, все эти золотые цепи, которыми приковывают людей к самой сокрушительной американской машине уничтожения, работавшей по принципу займи-и-потрать. Но наличные могли стать его спасением. Наличные он мог заменить. А вот записные книжки, числом более ста пятидесяти, – нет.

– Теперь шифр. – Мистер Синий щелкнул затянутыми в перчатку пальцами. – Выкладывай.

От расправившей его злости Ротстайн едва не отказался – не зря Иоланта говорила, что его жизненная позиция всегда строилась на злости («Наверняка ты был таким же даже в своей проклятой колыбели», – говорила она), – но он устал и боялся. Если бы он уперся, они силой выбили бы из него шифр. Дело могло дойти до еще одного инфаркта, который он едва ли переживет.

– Если я назову вам шифр, вы возьмете деньги и уйдете?

– Мистер Ротстайн, – произнес мистер Желтый с, казалось бы, искренней (и потому гротескной) добротой, – вы не в том положении, чтобы торговаться. Фредди, сходи за сумками.

На Ротстайна дунуло ледяным воздухом, когда мистер Синий, он же Фредди, вышел через дверь кухни. Мистер Желтый тем временем продолжал улыбаться. Ротстайн уже терпеть не мог эту улыбку. Эти алые губы.

– Давай, гений, колись. Быстрее начнешь, быстрее закончишь.

Ротстайн вздохнул и продиктовал шифр, открывавший замок сейфа «Гардолл», вмонтированного в заднюю стенку шкафа:

– Три – два поворота влево, тридцать один – два поворота вправо, восемнадцать – поворот влево, девяносто девять – поворот вправо, потом на ноль.

Алые губы за маской разошлись шире, обнажив зубы.

– Я бы мог догадаться. Твой день рождения.

И пока Желтый выкрикивал шифр мужчине, стоявшему у сейфа в шкафу, Ротстайн пришел к крайне неприятным выводам. Мистера Синего и мистера Красного интересовали исключительно деньги. Мистер Желтый тоже мог получить свою долю, но Ротстайн не верил, что деньги – главная цель человека, который называл его *гением*. Словно в подтверждение этих мыслей, мистер Синий вернулся, принес с собой еще один порыв ледяного воздуха. Он притащил четыре пустые дорожные сумки. Они висели на его плечах, по две на каждом.

Из кабинета донесся крик мистера Красного:

– Святой Боже, Морри! Мы сорвали банк! Матерь Божья, тут прорва денег! В банковских конвертах! Их десятки!

Как минимум шестьдесят, мог бы сказать Ротстайн, может, и восемьдесят. С четырьмя сотнями долларов в каждом. От Арнольда Абеля, моего нью-йоркского бухгалтера. Дженни обналичивает чеки и привозит деньги в конвертах, а я кладу их в сейф. Только расходов у меня мало, потому что крупные счета Абель оплачивает из Нью-Йорка. Время от времени я даю чаевые Дженни, на Рождество – почтальону, но по другим поводам наличные трачу редко. Эта история с конвертами тянется долгие годы, и почему? Арнольд никогда не спрашивает, что я делаю с деньгами. Может, думает, что ко мне приезжает девушка по вызову, а то и две. Может, думает, что я играю на ипподроме в Рокингэме.

Но есть один забавный момент, мог бы сказать он мистеру Желтому (также известному как Морри), *я сам себя* никогда об этом не спрашивал. Не спрашивал и о том, почему я продолжаю списывать одну записную книжку за другой. Что-то ты просто *делаешь*, без всяких вопросов.

Он *мог бы* все это сказать, но молчал. Не потому, что мистер Желтый его бы не понял. Наоборот, алогубая улыбка свидетельствовала о том, что он как раз поймет.

Но пропустит мимо ушей.

– Что там еще? – крикнул мистер Желтый, по-прежнему не отрывая взгляда от Ротстайна. – Коробки? Коробки для рукописей? Того размера, как я тебе говорил?

– Никаких коробок, только записные книжки, – доложил мистер Красный. – Гребанный сейф набит ими.

Мистер Желтый улыбнулся, глядя в глаза Ротстайну:

– Пишешь от руки? Ты так это делаешь, гений?

– Пожалуйста, – взмолился Ротстайн, – оставьте их. Этот материал не предназначен для чужих глаз. Там нет ничего завершенного.

– И никогда не будет, вот что я думаю. Естественно, ты же у нас великий барахольщик. – Веселый блеск глаз (ирландский блеск, подумал Ротстайн) исчез. – Да и зачем, если нет нужды публиковать что-то еще? Никакой *финансовой необходимости*. Ты получаешь гонорары с «Бегуна». И со второй книги – «Бегун берет разгон». И с третьей – «Бегун сбрасывает темп». Знаменитая трилогия о Джимми Голде. Всегда на полках магазинов. Изучается в колледжах всей нашей великой страны. Спасибо клике преподавателей литературы, которые уверены, что до тебя и Сола Беллоу остальным как до луны. Поток студентов-выпускников, покупающих твои книги, не иссякает. У тебя все устоялось, верно? Зачем идти на риск и публиковать что-то еще? А вдруг появится вмятина на сверкающей золотом репутации? Ты можешь позволить себе спрятаться здесь и прикинуться, будто остального мира не существует. – Мистер Желтый покачал головой. – Мой друг, благодаря тебе у термина «анальная фиксация» появилось совершенно новое значение.

Мистер Синий все еще топтался в дверях:

– Что мне делать, Морри?

– Иди к Кертису. Запакуйте все. Если в сумках не хватит места для всех записных книжек, найдите что-нибудь. Даже у такой домашней крысы, как он, должен быть хотя бы один чемодан. Не теряйте времени на пересчет денег. Я хочу, чтобы мы смылись отсюда как можно быстрее.

– Ладно. – И мистер Синий – Фредди – отбыл.

– Не делайте этого. – Ротстайн ужаснулся дрожи в собственном голосе. Иногда он забывал о возрасте, но не в эту ночь.

Мужчина, которого звали Морри, наклонился к нему, серо-зеленые глаза изучали старика сквозь прорези в желтой балаклаве.

– Я хочу кое-что узнать. Если получу честный ответ, может, мы оставим записные книжки. Будешь честен со мной, гений?

– Я попытаюсь, – ответил Ротстайн. – Кстати, я никогда так себя не называл. Это журнал «Тайм» назвал меня гением.

– Но и протеста ты не заявлял, верно?

Ротстайн промолчал. Сукин сын, думал он. Ехидный сукин сын. Ты ничего не оставишь, правда? Что бы я тебе ни сказал.

– Так вот что я хочу знать. Почему, во имя Господа, ты не мог оставить Джимми Голда в покое? Что заставило тебя ткнуть его лицом в грязь?

Такого вопроса он не ожидал и поначалу даже не понял, о чем говорит Морри, хотя Джимми Голд являлся самым знаменитым персонажем Ротстайна, и если его и будут помнить в веках, то именно за Джимми Голда. В той же статье «Тайм», где Ротстайн проходил как гений, Джимми Голда называли «американской иконой отчаяния в стране изобилия». Конечно, чужь собачья, но продажи выросли.

– Если хотите сказать, что мне следовало остановиться на «Бегуне», вы в этом не одиноки. – Почти не одиноки, мог бы добавить он. Продолжение первого романа, «Бегун берет разгон», укрепило его репутацию серьезного американского писателя, а третий роман, «Бегун сбрасывает темп», стал краеугольным камнем карьеры: бессчетные похвалы критиков, шестьдесят две недели в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». И Национальная книжная премия, пусть он и не пришел на ее вручение. «“Илиада” послевоенной Америки» – так оценили его труд, имея в виду не только последний роман, но и трилогию в целом.

– Я не говорю, что тебе следовало остановиться на «Бегуне», – ответил Морри. – «Бегун берет разгон» ничуть не хуже, может, даже лучше. Они *правдивые*. Я про последнюю. Это какая-то ярмарка лжи. Реклама? Я серьезно, *реклама*?

От следующего движения мистера Желтого у Ротстайна перехватило горло, а живот словно наполнился свинцом. Медленно, почти задумчиво налетчик стянул с головы желтую балаклаву, и перед Ротстайном предстал типичный молодой ирландец из Бостона: рыжие волосы, зеленоватые глаза, белоснежная кожа, которая всегда обгорает на солнце. Плюс эти странные алые губы.

– Дом в *пригороде*? «Форд»-седан на *подъездной дорожке*? Жена и двое *малолетних детей*? Купить можно любого, ты это пытался сказать? Все проглатывают ядовитую наживку?

– В записных книжках...

В записных книжках еще два романа про Джимми Голда, которые замыкают круг, вот что он хотел сказать. В первом Джимми видит пустоту жизни в пригороде и бросает семью, работу, уютный дом в Коннектикуте. Уходит на своих двоих, только с рюкзаком за плечами и в одежде, которая на нем. Становится повзрослевшей версией подростка, исключенного из школы, отвергнутого своей меркантильной семьей и вступившего в армию после одного пьяного уик-энда в Нью-Йорке.

– Что в записных книжках? – спросил Морри. – Давай, гений, выкладывай. Скажи, почему тебе пришлось сбить его с ног и потоптаться на его затылке.

В романе «Бегун уходит на Запад» *он вновь становится самим собой*, хотелось сказать Ротстайну. *Уникальной личностью*. Да только мистер Желтый показал лицо, а теперь еще и доставал пистолет из правого наружного кармана клетчатой куртки. Мистер Желтый выглядел опечаленным.

– Ты создал одного из величайших персонажей американской литературы, а потом обосрал его. Человек, который так поступил, не заслуживает жизни.

Злость прорвалась наружу, удивив самого Ротстайна.

– Если ты так думаешь, значит, не понял ни слова из написанного мной, – отчеканил старик.

Морри нацелил пистолет. Ствол, казалось, смотрел на Ротстайна черным глазом.

В ответ старик ткнул в Морри скрюченным артритом пальцем и с удовлетворением увидел, как молодой ирландец моргнул и подался назад.

– И не нужна мне твоя дебильная литературная критика. Я ее наслушался задолго до твоего рождения. Сколько тебе? Двадцать два? Двадцать три? Что ты знаешь о жизни, не говоря уж о литературе?

– Достаточно, чтобы утверждать: купить можно не всех. – Ротстайн удивленно смотрел, как ирландские глаза наполняются слезами. – Не тебе учить меня жизни, особенно после двадцати лет, которые ты прятался от мира, как крыса в норе.

Давний упрек – как ты *посмел* покинуть вершину славы? – превратил распиравшую Ротстайна злость в слепую ярость (знакомую и Пегги, и Иоланте; эта ярость заставляла его бить посуду и ломать мебель), и он обрадовался. Лучше умереть в ярости, чем сжавшись в комок и моля о пощаде.

– Как ты собираешься превратить мой труд в наличные? Ты об этом подумал? Предполагаю, что да. Предполагаю, ты считаешь, что с тем же успехом мог бы попытаться продать украденную записную книжку Хемингуэя или картину Пикассо. Но твои дружки не такие образованные, как ты, да? Это видно по их речи. Им известно то, что известно тебе? Очевидно, нет. Но ты запудрил им мозги. Поманил большущим пирогом и пообещал, что каждый получит свой кусок. Думаю, ты на это способен. Думаю, в твоём распоряжении целое озеро слов. Но я верю, что озеро это не из глубоких.

– Заткнись. Ты похож на мою мать.

– Ты обыкновенный вор, друг мой. И это глупо, воровать то, что ты никогда не сможешь продать.

– Заткнись, гений, я предупреждаю тебя.

Ротстайн подумал: допустим, он нажмет на спусковой крючок. Больше никаких таблеток. Никаких сожалений о прошлом и череде порушенных взаимоотношений, оставшихся на обочине жизни, как разбитые автомобили. Может, получить пулю в голову не так и плохо. Лучше рака или Альцгеймера, главного кошмара любого, кто зарабатывает на жизнь умственным трудом. Конечно, будут заголовки на первых полосах, их хватало даже до той чертовой статьи в «Тайм»... но если он нажмет на спусковой крючок, мне не придется их читать.

– Ты *глуп*, – продолжил Ротстайн. Внезапно его охватил экстаз. – Ты считаешь себя умнее тех двоих, но это не так. По крайней мере они понимают, что наличные можно потратить. – Он наклонился вперед, всматриваясь в бледное веснушчатое лицо. – Знаешь, что я тебе скажу, малыш? Именно из-за таких парней, как ты, читать стало считаться зазорным.

– Последнее предупреждение, – процедил Морри.

– Насрать мне на твое предупреждение. И на твою мать. Или пристрели меня, или проваливай из моего дома.

Моррис Беллами пристрелил его.

2009 год

Первая ссора из-за денег в доме Зауберсов – первая, которую подслушали дети, – произошла одним апрельским вечером. Не такая уж серьезная, но самые разрушительные ураганы начинаются с легкого ветерка. Питер и Тина Зауберс находились в гостиной. Питер делал уроки, Тина смотрела диск с мультфильмами про Губку Боба. Этот диск она уже видела не один раз, но с удовольствием смотрела снова и снова. К счастью для всех, потому что в доме Зауберсов канал «Картун нетворк» отсутствовал. Два месяца назад Том Зауберс отказался от подписки на кабельное телевидение.

Том и Линда Зауберс были на кухне, где Том застегивал старый рюкзак, груженный протеиновыми батончиками, пластиковым контейнером с нарезанными овощами, двумя бутылками воды и банкой колы.

– Ты чокнутый, – выговаривала ему Линда. – Нет, я всегда знала, что у тебя плохо с головой, но это уже новый уровень. Если бы ты поставил будильник на пять утра, я бы не возражала. Ты заехал бы за Тоддом, прибыл к Городскому центру к шести и все равно оказался бы первым в очереди.

– Если бы, – ответил Том. – Тодд говорит, что такая же ярмарка вакансий в прошлом месяце проводилась в Брук-парке, так люди начали занимать очередь за сутки. *За сутки*, Лин!

– Тодд много чего говорит. А ты слушаешь. Помнишь, как Тодд сказал, что Питу и Тине очень *понравится* «Шоу грузовиков-монстров»...

– Это не «Шоу грузовиков-монстров», и не концерт в парке, и не фейерверк. Это наша *жизнь*.

Пит оторвался от домашнего задания и на мгновение встретился взглядом с младшей сестрой. Тина красноречиво пожала плечами: *Родители – ничего не попишешь*. Пит вернулся к алгебре. Еще четыре примера, и он сможет пойти к Хауи. Посмотреть, нет ли у Хауи новых комиксов. У Пита их точно не было. Деньги на его карманные расходы постигла та же участь, что и кабельное телевидение.

Том закружил по кухне. Линда подстроилась под мужа, нежно взяла его за руку.

Она заговорила тихо, отчасти чтобы дети не услышали и не разволновались (Пит уже начал тревожиться, она это знала), но в первую очередь – чтобы снять напряжение. Она знала, что чувствовал Том, и искренне за него переживала. Страх – это плохо, но попасть в унижительное положение еще хуже, а именно это, по мнению Тома, с ним и произошло, поскольку он больше не мог выполнять свою первейшую обязанность: содержать семью. И унижительное положение, пожалуй, не в полной мере отражало ситуацию. Тома донимал стыд. Десять лет он проработал в риелторском агентстве «Лейк-фронт риелти», постоянно входил в число лучших сотрудников, обеспечивавших максимальные продажи, зачастую его фотография висела на доске почета агентства. И деньги, которые зарабатывала Линда, преподававшая в третьем классе, тянули лишь на глазурь на торте Тома. Потом, осенью 2008 года, экономика отправилась под откос, и Зауберсы перешли в разряд семей с одним кормильцем.

Причем Тома не просто сократили с тем, чтобы вернуть назад, как только дела пойдут на поправку. Риелторское агентство «Лейк-фронт риелти» превратилось в пустую бетонную коробку с исписанными граффити стенами и табличкой «ПРОДАЖА ИЛИ АРЕНДА» на входной двери. Братья Риардон, унаследовавшие бизнес своего отца (который пошел по стопам своего), активно инвестировали в акции и потеряли практически все, когда котировки обвалились. Линду не утешало, что лучший друг Тома, Тодд Пейн, оказался в той же лодке. Линда считала Тодда болваном.

– Ты слышал прогноз погоды? Я – да. Похолодает. К утру с озера наползет туман, возможно, пойдет ледяной дождь. *Ледяной дождь*, Том.

– Хорошо. Я надеюсь, так и будет. Число жаждущих получить работу уменьшится, и наши шансы возрастут. – Он сжал ее руки, но мягко. Никто никого не тряс, никто не кричал. Пока. – Я должен получить работу, Лин, и завтрашняя ярмарка вакансий – мой лучший шанс этой весной. Я уже все ноги истоптал...

– Я знаю...

– И *ничего*. Полный *ноль*. Да, несколько вакансий в доках, на строительстве торгового центра рядом с аэропортом, но ты можешь представить меня на этой работе? Для нее мне надо сбросить тридцать фунтов и двадцать годков. Этим летом я смогу подыскать что-нибудь в деловом районе... получу место клерка, если дела пойдут чуть лучше... но работа будет низкооплачиваемая и наверняка временная. Поэтому мы с Тоддом поедem в полночь, простоим в очереди до открытия дверей, и я обещаю, что вернусь с работой, за которую платят реальные деньги.

– И, вероятно, с инфекцией, которую мы все от тебя подхватим. После чего нам придется ужать расходы на продукты, чтобы оплачивать медицинские счета.

Тут он действительно начал злиться на нее.

– Я бы не отказался от поддержки.

– Том, ради Бога. Я *пытаюсь*...

– Могла бы назвать меня молодцом. «Самое время проявить инициативу, Том. Мы так рады, что ты стараешься ради семьи, Том!» Что-нибудь эдакое. Не думаю, что прошу слишком многого.

– Я лишь говорю...

Но кухонная дверь открылась и закрылась до того, как она закончила фразу. Том вышел на заднее крыльцо, чтобы выкурить сигарету. Когда Пит поднял голову, вновь оторвавшись от алгебры, он увидел печаль и тревогу на лице Тины. Помня, что ей всего восемь, Пит улыбнулся и подмигнул сестре. Она нерешительно улыбнулась в ответ и нырнула обратно в подводное королевство Бикини-Боттом, где отцы не теряют работу и не повышают голоса, а детям исправно дают деньги на карманные расходы. Плохим, конечно, нет, но хорошим точно дают.

Прежде чем уехать, Том отнес дочь в постель и поцеловал, пожелав спокойной ночи. Поцеловал и Миссис Бисли, любимую куклу Тины. На удачу, сказал он.

– Папуля? Все будет хорошо?

– Даже не сомневайся, милая. – Она это запомнила. Уверенность в его голосе. – Все будет очень хорошо. А теперь спи. – И он ушел, шагая как любой нормальный человек. Тина запомнила и это, потому что больше никогда не видела, чтобы он ходил нормально.

На вершине крутого подъема, ведущего от Мальборо-стрит к автомобильной стоянке Городского центра, Том воскликнул:

– Ух ты! Притормози, нет, остановись!

– Слушай, за мной автомобили, – возразил Тодд.

– Только на секунду. – Том поднял мобильник и сфотографировал людей, стоявших в очереди. Сотню, никак не меньше. Над дверьми висел транспарант: «**1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА**». И «*Мы поддерживаем жителей нашего города!* **МЭР РАЛЬФ КИНСЛЕР**». Позади ржавого «субару» Тодда Пейна кто-то нетерпеливо засигналил.

– Томми, мне не хочется обламывать тебе кайф, когда ты стремишься запечатлеть это удивительное событие, но...

– Поезжай, поезжай, я уже, – ответил Том и добавил, когда Тодд въехал на автостоянку, где все ближайšie к зданию парковочные места уже разобрали: – Мне не терпится показать эту фотку Линде. Знаешь, что она сказала? Если приедем к шести утра, будем первыми в очереди.

– Я же говорил, старина. Тоддстер никогда не лжет. – Он припарковал автомобиль. Двигатель «субару» перднул, кашлянул и затих. – К рассвету здесь будет пара тысяч человек и телевидение. Все программы. «Город на заре», «Утренний отчет», «Городской дозор». У нас могут взять интервью.

– Мне хватит и работы.

В одном Линда оказалась права: ночь выдалась сырой. В воздухе чувствовался запах озера – едва заметная канализационная вонь. И температура так упала, что Том видел образующиеся при дыхании облачка пара. Между заранее расставленными стойками были натянуты желтые ленты с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», разделявшие соискателей рабочих мест и делавшей толпу людей похожей на меха аккордеона. Том и Тодд разместились между последними стойками, и за ними тут же начали вставать другие люди, главным образом мужчины, некоторые в толстых флисовых куртках, какие обычно носили рабочие, кто-то в деловых пальто и с деловыми прическами, которые, правда, уже начали терять прежний лоск. Том предположил, что на заре, за четыре часа до открытия ярмарки, очередь протянется до дальнего края автостоянки.

Взгляд Тома остановился на женщине с младенцем. Она стояла в паре зигзагов впереди. Том задался вопросом, до какой степени отчаяния надо дойти, чтобы с младенцем на руках проводить под открытым небом такую сырую и холодную ночь. Ребенок сидел на груди у матери в слинге. Женщина говорила с крепким парнем, у которого на плече висел спальник, и младенец переводил взгляд с одного на другого, словно самый маленький в мире теннисный болельщик. Это выглядело весьма забавно.

– Хочешь согреться, Томми? – Тодд достал из рюкзака пинтовую бутылку виски «Беллс» и протянул ему.

Том уже собрался отказаться, памятуя последнюю фразу Линды: *И не смей возвращаться домой с запахом перегара, мистер*, – но бутылку взял. В такой холод глоток спиртного никак не мог повредить. Он почувствовал, как виски стекает вниз, согревая горло и желудок.

Надо будет прополоскать рот перед тем, как садиться за стол работодателя, напомнил он себе. Человека, от которого разит виски, не наймут ни на какую работу.

Когда Тодд предложил ему повторить – примерно около двух часов ночи, – Том отказался. Но после следующего предложения, в три часа, бутылку взял. Взглянул на уровень оставшегося виски и понял, что Тоддстер активно боролся с холодом.

«Почему нет?» – подумал Том и на этот раз глотнул от души.

– Вот и умница, – прокомментировал Тодд, язык у него уже начал немного заплетаться. – Дай волю своей темной стороне.

Охотники за работой продолжали прибывать, их автомобили, скрытые густым туманом, в реве двигателей поднимались с Мальборо-стрит. Очередь давно выплеснулась за стойки, и ее зигзаги распрямились. Том полагал, что понимает экономические трудности, которые переживала страна – разве он сам не потерял работу, очень хорошую работу? – но по мере того как автомобили подъезжали и подъезжали, а очередь удлинялась и удлинялась (конца он уже не видел), возникла и начала набирать силу новая пугающая идея. Может, слово *трудности* не в полной мере отражало сложившуюся ситуацию? Может, ей больше соответствовало другое слово – *катастрофа*?

Справа от него, в лабиринте стоек и лент, заплакал ребенок. Том огляделся и увидел, что мужчина со спальником держит края слинга, чтобы женщина (Господи, подумал Том, ей, похоже, нет и двадцати) могла вытащить малыша.

– Чё это за хрень? – Язык Тодда заплетался все сильнее.

– Ребенок, – ответил Том. – Женщина с ребенком. *Девушка* с ребенком.

Тодд присмотрелся.

– О Иисус! Я считаю, это беа... это бесо... это безответственно.

– Ты пьян? – Линда недолюбливала Тодда, не видела в нем ничего хорошего, и сейчас Том разделял ее мнение.

– Чуть-чуть. Буду в норме, когда откроются двери. И мятные пастилки у меня есть.

Том подумал, а не спросить ли Тоддстера, не прихватил ли тот с собой визин (его глаза заметно покраснели), но решил, что такая дискуссия ему ни к чему. Вновь посмотрел в ту сторону, где стояла женщина с плачущим малышом. Поначалу ему показалось, что они ушли. Потом он опустил глаза и увидел, как она, прижимая к груди ребенка, заползает в спальный мешок крепкого мужчины. Тот ей помогал. Младенец орал благим матом.

– Неужели нельзя заткнуть ребенку рот? – крикнул какой-то мужчина.

– Кто-нибудь, вызовите службу социальной защиты, – добавила женщина.

Том подумал о Тине в столь нежном возрасте, представил ее здесь в эти холодные и туманные предзвездные часы и подавил желание предложить мужчине и женщине заткнуться... а еще лучше, прийти на помощь. В конце концов, все они оказались в одной лодке, так? Их всех помяла жизнь, им всем в одинаковой степени не повезло.

Крики затихли, потом смолкли.

– Наверное, она ее кормит, – предположил Тодд и сжал грудь, показывая, как это делается.

– Да.

– Томми?

– Что?

– Ты знаешь, что Эллен тоже потеряла работу?

– Господи, *нет*. Впервые слышу. – Он прикинулся, что не видит страха на лице Тодда. Не видит поблескивавших влагой глаз. Возможно, причина была в холоде или спиртном. А может, и нет.

– Ее снова обещали взять, когда ситуация улучшится, но то же самое говорили и мне, а я уже полгода без работы. Я обналичил свою страховку. От нее не осталось ни цента. И знаешь, сколько у нас денег в банке? Пятьсот долларов. А как долго можно прожить на пятьсот долларов, если батон хлеба в «Крогере» стоит бакс?

– Недолго.

– Ты чертовски прав – недолго. Я должен здесь что-то получить. *Должен*.

– Ты получишь. Мы оба получим.

Тодд посмотрел на здоровяка, который теперь вроде бы охранял спальник, чтобы никто случайно не наступил на женщину и ребенка, находившихся внутри.

– Думаешь, они женаты?

Том об этом не задумывался. Теперь прикинул:

– Возможно.

– Тогда они оба безработные. Иначе один из них остался бы дома с ребенком.

– А может, они думают, что младенец повысит их шансы, – предположил Том.

Тодд широко улыбнулся.

– Надавить на жалость! Недурная идея! – Он протянул Тому виски: – Глотнешь?

Том сделал маленький глоток, думая: «Если не выпью я, Тодд выпьет все».

Из алкогольной дремы Тома вырвал громкий крик: «На других планетах открыта жизнь!» Шутка вызвала смех и аплодисменты.

Том огляделся и увидел дневной свет. Только нарождающийся, затуманенный, но все равно дневной свет. За дверями Городского центра мужчина в сером комбинезоне – работающий мужчина, счастливчик – пересекал вестибюль с ведром в руке.

– Кто это? – спросил Тодд.

– Никто, – ответил Том. – Уборщик.

Тодд посмотрел в сторону Мальборо-стрит.

– Господи, они все подъезжают.

– Да, – кивнул Том, подумав: «Послушай я Линду, сейчас мы стояли бы в конце этой очереди, которая растянулась на полпути до Кливленда». Эта мысль ему понравилась, всегда приятно видеть доказательство собственной правоты, но он сожалел, что прикладывался к бутылке Тодда. Во рту словно кошки насрали. Нет, он никогда не *пробовал* кошачье дерьмо, но...

Кто-то в паре зигзагов от него – недалеко от спального мешка – спросил:

– Это же «бенц?» Выглядит как «бенц».

Том увидел длинный корпус у въезда на автостоянку, на вершине подъема с Мальборо-стрит. Желтые противотуманные фары сверкали. Автомобиль не двигался: просто стоял.

– И что это он делает? – спросил Тодд.

Водитель автомобиля, следующего за «мерседесом», вероятно, задался тем же вопросом, потому что нажал клаксон: протяжный недовольный гудок заставил людей вздрогнуть, вскрикнуть, оглянуться. Еще мгновение машина с желтыми противотуманными фарами стояла на месте, а потом рванула вперед. Не влево, на заполненную почти под завязку стоянку, а прямо на людей, зажатых между лентами и стойками.

– Эй! – крикнул кто-то.

Толпа в едином порыве качнулась назад. Тома швырнуло на Тодда, который плюхнулся на пятую точку. Том пытался удержаться на ногах, и ему это почти удалось, но тут мужчина, стоявший перед ним – кричащий, нет, *воплящий*, – угодил задом ему в промежность, а локтем – в грудь. Том свалился на своего друга, услышал, как разбилась бутылка «Беллса», до его ноздрей долетел резкий запах виски, вытекшего на асфальт.

Он успел подняться на ноги, чтобы увидеть, как автомобиль – действительно «мерседес», большой седан, серый, как и это туманное утро, – врезался в толпу, по пути раскидывая людей, описывая пьяную дугу. Кровь капала с радиаторной решетки. Женщина упала на капот, выставив вперед руки, с ее ног слетели туфли. Она ударила ладонями по стеклу, попыталась схватиться за дворник, промахнулась, свалилась куда-то вбок. Рвались желтые ленты с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ». Стойка звякнула о борт седана, ни на йоту не замедлив его продвижение вперед. Том увидел, как передние колеса переехали спальник и крепкого мужчину, присевшего над ним на корточки, выставившего руку, словно защищая его.

Теперь «мерседес» надвигался на Тома.

– Тодд! – закричал он. – Тодд, *поднимайся!*

Он попытался найти руки Тодда, схватил одну, потянул. Кто-то врезался в него, и он вновь упал на колени. Он слышал двигатель машины-убийцы, ревуший на максимальных оборотах. Очень близко. Попытался отползти, чья-то нога ударила его в висок. Перед глазами вспыхнули звезды.

– Том! – Тодд оказался позади него. Как такое могло произойти? – Том, что за *хрень?*

На него упало тело, за которым последовало что-то еще, невероятно тяжелое, давящее, грозящее размазать по земле. Бедренные кости хрустнули, словно сухие косточки индейки. Потом давящая тяжесть исчезла. Ей на смену пришла боль.

Том попытался поднять голову и сумел продержать ее над мостовой достаточно долго, чтобы увидеть задние огни, растворяющиеся в тумане. Увидел он и осколки стекла от разбитой бутылки. Увидел и распростертого на асфальте Тодда. Из его головы текла кровь, собираясь в лужу. Алые следы протекторов уходили в туманный полумрак.

Линда была права, подумал Том. Ему следовало остаться дома.

«Я умираю, – подумал он, – и, может, оно и к лучшему. Потому что в отличие от Тодда Пейна я не обналичил свою страховку. Хотя, – подумал он, наверное, обналичил бы, если бы заставила нужда».

Потом пришла тьма.

Когда сорок восемь часов спустя Том Зауберс очнулся на больничной койке, Линда сидела рядом и держала его за руку. Том спросил, будет ли он жить. Она улыбнулась. Сжала его руку и ответила: да, точно.

– Я парализован? Скажи мне правду?

– Нет, дорогой, но у тебя множество переломов.

– А Тодд?

Она отвела взгляд, прикусила губу.

– Он в коме, но врачи думают, что рано или поздно он из нее выйдет. Об этом свидетельствуют его мозговые волны или что-то такое.

– Там был автомобиль, я не смог увернуться.

– Я знаю. Не только ты. За рулем сидел какой-то безумец. Его не поймали, во всяком случае, пока.

На водителя «мерседеса» Тому было наплевать. Он обрадовался, что его не парализовало, но...

– Насколько серьезные у меня травмы? Только честно.

Она встретилась с ним взглядом, но сразу отвела глаза. Снова уставилась на открытки с пожеланием скорейшего выздоровления на прикроватном столике.

– Ты... ну... пройдет немало времени, прежде чем ты сможешь ходить.

– Сколько?

Она подняла его руку, всю в ссадинах, и поцеловала.

– Они не знают.

Том Зауберс закрыл глаза и заплакал. Линда какое-то время слушала, а потом, не выдержав, наклонилась и начала нажимать кнопку морфинового насоса. Нажимала и нажимала, пока машина не перестала впрыскивать лекарство. К тому времени Том уже спал.

1978 год

Моррис достал одеяло с верхней полки стенного шкафа в спальне и укрыл Ротстайна. Тот со снесенной макушкой распростерся на кресле. Мозги, породившие Джимми Голда, Эмму, сестру Джимми, родителей Джимми, поглощенных собой, почти спившихся, – не отличимых от родителей самого Морриса, подсыхали на обоях. Случившееся не потрясло Морриса до глубины души, но порядком удивило. Он ожидал увидеть немного крови, дыру между глаз, но никак не мощный фонтан ошметков плоти и осколков костей. Все дело в отсутствии богатого воображения, предположил он. Вот почему он мог *читать* гигантов современной американской литературы – читать и оценивать, – но никогда не *станет* одним из них.

Фредди Доу вышел из кабинета. На его плечах висели туго набитые дорожные сумки. Кертис тащился за ним, склонив голову, с пустыми руками. Внезапно он ускорился, проскочил мимо Фредди, метнулся на кухню. Хлопнула раскрывшаяся дверь черного хода, ветер ударил ее о стену, донеслись характерные звуки: Кертиса рвало.

– Его стало мутить, – ввернул Фредди. Он всегда озвучивал очевидное.

– Ты в порядке? – спросил Моррис.

– Да. – Фредди вышел через парадную дверь не оглянувшись, остановился, чтобы подхватить монтажный лом, прислоненный к креслу-качалке на переднем крыльце. Они собирались вломиться в дом, но хозяин не запер парадную дверь. Как и кухонную. Ротстайн, похоже, целиком и полностью надеялся на сейфовый замок. Вот тебе и недостаток воображения.

Моррис прошел в кабинет, увидел письменный стол Ротстайна, на котором царил идеальный порядок, пишущую машинку под чехлом. Посмотрел на фотографии на стене. Здесь были обе бывшие жены, смеющиеся, молодые и прекрасные, одетые и причесанные по моде пятидесятых годов. Любопытный факт: Ротстайн держал своих бывших там, где мог смотреть на них, когда писал, но Моррис не располагал временем, чтобы подумать об этом; он не успевал даже ознакомиться с содержимым ящиков стола писателя, хотя и очень хотелось. Хотя был ли в этом смысл? Записные книжки он заполучил. То есть завладел *мыслями* писателя. Всем, что тот написал за восемнадцать лет, которые не публиковался.

Фредди, конечно, сразу забрал все конверты с деньгами (естественно, Фредди и Кертиса заботили только купюры), а вот записных книжек на полках сейфа еще хватало. Ротстайн отдавал предпочтение записным книжкам «Молескин» – такими пользовался Хемингуэй и такими мечтал пользоваться Моррис, находясь в исправительной колонии для малолетних преступников: тогда во взрослой жизни он видел себя писателем. Но в колонии Ривервью ему выдавали на неделю только пять листов толстой мягкой бумаги «Блю хорз». Едва ли их могло хватить для того, чтобы начать писать Великий американский роман. Попытки получить больше ни к чему не привели. Однажды он предложил Элкинсу, доверенному лицу интенданта, отсосать за десяток листов, но получил по морде. Забавно, с учетом того, что все девять месяцев, проведенных в колонии, его заставляли заниматься сексом безо всякого согласия, обычно на коленях и зачастую с собственными грязными трусами во рту.

Он не считал свою мать *полностью* ответственной за все эти изнасилования, но часть вины, безусловно, лежала на ней. Знаменитая Анита Беллами, профессор истории, чья книга о Генри Клее Фрике номинировалась на Пулитцеровскую премию. Настолько знаменитая, что считала, будто знает о современной американской литературе все. Именно спор о трилогии Голда заставил его в тот вечер выбежать из дома, в ярости и с твердым намерением выпить. Что он и сделал, хотя был несовершеннолетним и выглядел соответственно.

Спиртное действовало на Морриса не лучшим образом. Выпив, он творил вещи, о которых потом не помнил, и все его деяния были отвратительны. В тот вечер он угнал автомобиль,

проник в чужой дом, устроил там погром и подрался с охранником, который пытался удержать его до приезда копов.

С тех пор прошло почти шесть лет, но воспоминания оставались четкими и ясными. Украсть автомобиль, покататься на нем по городу и бросить (может, предварительно помочившись на приборную панель) – это одно. Глупо, конечно, но при удаче он мог бы выйти сухим из воды. Но залезть в дом в Шугар-Хайтс и устроить погром? Это уже глупость в квадрате. Он *ничего* не хотел брать в том доме. Во всяком случае, потом не мог ничего такого вспомнить. А когда он что-то действительно захотел? Когда предложил определенные услуги за несколько листов бумаги «Блю хорз»? Ему дали в морду. Он рассмеялся, поскольку так поступил бы Джимми Голд (по крайней мере до того, как вырос и продался за Золотой бакс). И что произошло потом? Ему вновь дали в морду, только сильнее. Глухой треск ломающегося носа заставил его заплакать.

Джимми не заплакал бы никогда.

Он с вождением смотрел на записные книжки «Молескин», когда Фредди Доу вернулся с двумя пустыми дорожными сумками. Он также принес потрепанный кожаный саквояж.

– Нашел в кладовой. Вместе с миллионом банок фасоли и тунца. Странный тип. Может, ждал Акрополипса. Давай, Морри, пора трогаться. Кто-то мог услышать выстрел.

– Соседей нет. Ближайшая ферма в двух милях. Расслабься.

– В тюрьмах полно парней, которые расслабились. Нам надо сматываться отсюда.

Моррис начал переключать записные книжки в сумки, но не удержался и заглянул в одну. Ротстайн действительно был странноватым и вполне мог набить сейф пустыми записными книжками, думая, что в конце концов что-то в них напишет.

Но нет.

В этой по крайней мере страницы – сверху донизу, от левого края до правого с крошечными полями – заполняли маленькие, аккуратные буквы, написанные Ротстайном.

...не знал, почему для него это так важно и почему он не может спать, пока пустой вагон позднего товарного поезда везет его через забытую Богом сельскую глубинку к Канзас-Сити. Сонная земля расстилалась вокруг, плотно набитый живот Америки отдыхал под уютным одеялом ночи, но мысли Джимми постоянно возвращались к...

Фредди тряхнул его за плечо, сильно:

– Завязывай с этим и собирай вещи. Один уже блюет и ни на что не годен.

Моррис бросил записную книжку в дорожную сумку, потянулся в сейф за новыми, его переполняла радость. Он забыл о трупке под одеялом в гостиной, забыл о Кертисе Роджерсе, которого выворачивало на розы, или циннии, или петунии, или что там могло расти во дворе. Джимми Голд! Едет на запад в пустом товарном вагоне. Ротстайн все-таки с ним не закончил!

– Сумки полные. – Он повернулся к Фредди. – Забирай их. Остальное я уложу в саквояж.

– Эта штука так называется?

– Думаю, да. – Он это знал. – Иди. Я почти закончил.

Фредди закинул сумки на плечи, но не ушел.

– Ты уверен насчет этого? Ротстайн сказал...

– Он просто хотел спасти свою шкуру. Мог сказать что угодно. Иди.

Фредди ушел. Моррис переложил последние записные книжки в саквояж и вышел из стенного шкафа. Кертис стоял у стола Ротстайна. Он снял балаклаву – они все так сделали. Бледный как полотно, под глазами – черные круги.

– Чего ты его убил? Ты же *не собирался*. Мы так не договаривались. Зачем ты это сделал?

Потому что он выставил меня глупцом. Потому что обругал мою мать, а это позволено только мне. Потому что назвал меня юнцом. Потому что его следовало наказать: он же превратил Джимми Голда в одного из *них*. Но прежде всего потому, что никто, обладающий таким талантом, не имел права прятаться от мира. Да только Кертис ничего этого бы не понял.

– Потому что после его смерти мы сможем продать эти записные книжки дороже. – Однако прежде он прочитает каждое слово, Кертис же никогда не понял бы, почему это так важно, да ему этого и не требовалось. Как и Фредди. И Моррис принялся терпеливо объяснять на доступном Кертису уровне: – Больше Ротстайн ничего не напишет. Поэтому неопубликованные материалы сразу возрастают в цене. Это понятно?

Кертис почесал бледную щеку.

– Ну... наверное... да.

– Опять же, он не заявит, что записные книжки – подделка. А мог бы, просто от злобы. Кертис, я много прочитал о нем, почти все, и это был злющий сукин сын.

– Ну...

Моррис удержался и не сказал: «Это слишком сложно для такой пустой головы, как твоя». Вместо этого он протянул Кертису саквояж:

– Бери. И не снимай перчатки, пока мы не сядем в машину.

– Тебе следовало обсудить это с нами, Морри. Мы твои *напарники*. – Кертис двинулся к двери, потом повернулся к Моррису: – У меня вопрос.

– Какой?

– Ты не знаешь, в Нью-Хэмпшире есть смертная казнь?

Направляясь в Вермонт, они пересекали узкую трубу Нью-Хэмпшира по сельским дорогам. Фредди вел «шеви-бискейн». Старый и неприметный. Моррис сидел рядом с раскрытым атласом на коленях. Время от времени он включал потолочный фонарь, чтобы убедиться, что они не сбились с пути. Ему ни разу не пришлось напоминать Фредди, что нельзя превышать скорость. Фредди Доу не впервые уезжал с места преступления.

Кертис улегся на заднем сиденье, и скоро они услышали его храп. Моррис полагал, ему повезло: похоже, Кертис выbleвал собственный ужас. Сам Моррис не сомневался, что пройдет еще немало времени, прежде чем он крепко проспит всю ночь. Перед мысленным взором постоянно возникали мозги, сползающие по обоям. Ему не давало покоя не само убийство, а расплесканный талант. Целая жизнь, потраченная на его шлифование и оттачивание, разлетелась в доли секунды. Все эти истории, все эти образы, а что вылезло наружу? Какая-то гуща, похожая на овсянку. Как же так?

– Так ты действительно думаешь, что мы сможем продать эти его книжонки? – снова спросил Фредди. – В смысле, дорого?

– Да.

– И не попадемся?

– Да, Фредди, я в этом уверен.

Фредди долго молчал, и Моррис уже решил, что тема закрыта. Но Фредди к ней вернулся. В двух словах. Сухих и невыразительных:

– Я сомневаюсь.

Позже, уже за решеткой – только на этот раз не в колонии для малолетних преступников, – Моррис подумает: «Именно тогда я решил убить их обоих».

Но иногда ночью, когда он не мог заснуть, а его задний проход горел после очередного изнасилования в душевой, он признавал, что это неправда. Он все знал с самого начала. Оба были туповаты. Оба рецидивисты. Рано или поздно (скорее рано) один попадет на чем-то, и у него появится искушение скостить срок или совсем его избежать, рассказав о другом, более тяжком преступлении.

«Я просто знал, что они должны исчезнуть, – думал он в темноте тюремного блока, когда плотно набитый живот Америки отдыхал под уютным одеялом ночи. – По-другому быть не могло».

В северной части штата Нью-Йорк, когда позади них заря только начала подсвечивать темную линию горизонта, они повернули на шоссе номер 92, которое тянулось практически параллельно автостраде номер 90 до самого Иллинойса, где поворачивало на юг и терялось в промышленном городе Рокфорд. В этот час шоссе по большей части пустовало, хотя они слышали шум плотного транспортного потока (а иногда и видели автомобили) на автостраде.

Они проехали щит «ЗОНА ОТДЫХА – 2 МИЛИ», и Моррис вспомнил «Макбет»: «*Если уж делать, то быстро*». Возможно, цитата не совсем точная, но понятно, о чем речь.

– Сверни туда, – попросил он Фредди. – Мне надо отлить.

– Там, наверное, есть торговые автоматы, – подал голос блевун с заднего сиденья и сел. Его волосы были всклокочены. – Я бы не отказался от крекеров с арахисовым маслом.

Моррис понимал, что ничего не выйдет, если в зоне отдыха будут другие автомобили. Автострада номер 90 утянула на себя львиную долю транзитного транспорта, раньше пользовавшегося этой дорогой, но с рассветом на ней могли появиться местные, которые по-прежнему ездили по шоссе номер 92 из одного паршивого городишки в другой.

Однако зона отдыха пустовала, в немалой степени из-за щита на въезде, гласившего: «**НОЧЬЮ НАХОДИТЬСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПРЕЩЕНО**». Припарковавшись, они вышли из машины. На деревьях чирикали птицы, обсуждая прошедшую ночь и строя планы на грядущий день. Несколько листьев (в этой части страны они только начали менять цвет) спланировали вниз и остались на асфальте.

Кертис пошел к торговым автоматам, а Моррис и Фредди бок о бок направились к мужскому туалету. Моррис не слишком нервничал. Возможно, старая поговорка соответствовала действительности: самый сложный раз – первый.

Он придержал дверь для Фредди одной рукой, а второй достал пистолет из кармана куртки. Фредди поблагодарил не оглядываясь. Моррис переступил порог, дал двери хлопнуться, потом поднял пистолет. Приставил дуло почти вплотную к голове Фредди и нажал спусковой крючок. В облицованной кафелем комнате выстрел прогремел громко, но издалека могло показаться, что это мотоциклетная обратная вспышка на шоссе. В первую очередь Морриса тревожил Кертис.

Он мог бы и не волноваться. Кертис стоял перед торговыми автоматами под деревянным навесом с надписью «**ПРИДОРОЖНЫЙ ОАЗИС**». В одной руке он держал пакет крекеров с арахисовым маслом.

– Ты это слышал? – спросил он Морриса. Потом, увидев пистолет, с искренним недоумением поинтересовался: – А это тебе зачем?

– Для тебя, – ответил Моррис и выстрелил ему в грудь.

Кертис упал, но – как ни странно – не умер. Более того, похоже, он и *не собирался* умирать. Он корчился на земле. Опавший лист пролетел, кувыркаясь, перед его носом. Кровь начала вытекать из-под Кертиса. Он по-прежнему сжимал в руке упаковку крекеров. Посмотрел вверх, сальные черные волосы падали ему на глаза. По скрытому деревьями шоссе номер 92 мимо зоны отдыха проехал грузовик, держа путь на восток.

Моррис не хотел вновь стрелять в Кертиса, потому что здесь выстрел никак не мог сойти за обратную вспышку, да и в любую секунду в зону отдыха мог кто-то свернуть.

– «Если уж делать, то быстро», – процитировал он и опустил на колено.

– Ты меня подстрелил. – В срывающемся голосе Кертиса слышалось удивление. – Ты на хрен *подстрелил* меня, Морри!

Думая о том, как он ненавидел это прозвище – ненавидел всю жизнь, потому что так его звали даже учителя, а уж им-то следовало быть поумнее, – Моррис перехватил пистолет за ствол и принялся молотить рукояткой по голове Кертиса. Три сильных удара особого результата не принесли. Это был пистолет тридцать восьмого калибра, слишком легкий, чтобы разбить череп. Кровь начала сочиться из-под волос Кертиса, стекать по щекам. Он стонал, глядя на Морриса полными отчаяния синими глазами. Слабо махнул одной рукой.

– Прекрати, Морри! Прекрати, мне *больно!*

Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, *дерьмо.*

Моррис убрал пистолет в карман. Рукоятка стала липкой от крови и волос. Он вернулся к «бискейну», вытирая руку о куртку. Открыл дверцу, увидел пустой замок зажигания, прошептал: «Твою мать». Как молитву.

По шоссе номер 92 проехали две легковушки, потом фургон «Ю-пи-эс».

Моррис подбежал к мужскому туалету, открыл дверь, опустился на колени, принялся обшаривать карманы Фредди. Ключи от автомобиля нашел в переднем левом. Поднялся и поспешил обратно к торговым автоматам, в полной уверенности, что в зону отдыха уже свернула легковушка или грузовик. Машин все прибавлялось, у кого-то из водителей могло возникнуть желание опорожнить мочевой пузырь от выпитого за завтраком кофе, и тогда ему придется убить этого человека, а может, и того, который подъедет следом. Перед мысленным взором возник образ сцепленных бумажных кукол.

Но пока зона отдыха пустовала.

Моррис сел за руль «бискейна», купленного законным образом, но с украденными номерными знаками штата Мэн. Кертис Роджерс медленно полз по бетонной дорожке, ведущей к туалетам, подтягивая себя руками, слабо отталкиваясь ногами и оставляя тонкий кровавый след. Моррис не мог знать этого наверняка, но предположил, что Кертис пытается добраться до телефона-автомата, который висел на стене между мужским и женским туалетами.

Ничего такого не планировалось, думал Моррис, заводя двигатель. Он действовал под влиянием момента, и теперь скорее всего его поймут. Из памяти выплыли предсмертные слова Ротстайна: *Сколько тебе? Двадцать два? Двадцать три? Что ты знаешь о жизни, не говоря уж о литературе?*

– Я знаю, что не продаюсь, – сказал он. – Это я точно знаю.

Он включил передачу, и «бискейн» медленно покотился к человеку, ползшему по бетонной дорожке. Моррис хотел выбраться отсюда, его разум кричал, требуя, чтобы он выбрался отсюда, но оставалось одно дельце, требовавшее аккуратности.

Кертис оглянулся, его глаза за спутанными грязными волосами округлились и наполнились ужасом. Он поднял руку в жалкой попытке остановить надвигающийся автомобиль, а потом капот полностью скрыл его. Моррис чуть повернул руль, продолжая медленно продвигаться вперед. Передние колеса поднялись на тротуар. Закачалась сосенка – освежитель воздуха, висевшая на зеркале заднего вида.

Ничего... ничего, а потом колесо вновь на что-то поднялось. Раздался приглушенный хлопок, словно маленькая тыква взорвалась в микроволновой печи.

Моррис повернул руль влево, и автомобиль еще раз трянуло, когда колеса вернулись на мостовую. Моррис посмотрел в зеркало заднего вида и обнаружил, что голова Кертиса исчезла.

Хотя нет. Не совсем. Она осталась. Но расплющилась. Размазалась по бетону. *Невелика потеря*, подумал Моррис.

Он направил «бискейн» к выезду из зоны отдыха, а когда убедился, что дорога пуста, нажал педаль газа, набирая скорость. Он понимал, что ему надо остановиться и осмотреть переднюю часть автомобиля, особенно колесо, которое прошло по голове Кертиса, но сначала хотел проехать по шоссе миль двадцать. Никак не меньше двадцати миль.

– В своем будущем я вижу автомойку, – заявил Моррис. Фраза показалась ему забавной (*небанально* забавной, этого слова не понял бы ни Фредди, ни Кертис), и он долго, громко смеялся. Моррис вел машину на предельной разрешенной скорости. То и дело смотрел на одомер, но даже при скорости пятьдесят пять миль в час ему казалось, что цифры менялись не чаще раза в пять минут. Моррис не сомневался, что колесо оставило кровавый след, когда он выезжал на шоссе, но его наверняка затерли колеса других автомобилей. Тем не менее пришла пора вновь свернуть на сельские дороги, может, даже на грунтовки. Конечно, надо бы еще остановиться и выбросить все эти записные книжки – и деньги тоже – в лес. Но этого он делать не собирался. Ни за что.

«Мои шансы – пятьдесят на пятьдесят, – сказал он себе. – Может, и выше. В конце концов, в Нью-Хэмпшире автомобиль никто не видел. Ни в Нью-Хэмпшире, ни в зоне отдыха».

Подъехав к заброшенному ресторану, Моррис свернул на автомобильную стоянку, осмотрел переднюю часть «бискейна» и переднее правое колесо. Решил, что все неплохо, очень даже неплохо, но на бампере осталась кровь. Моррис нарвал травы и стер ее. Сел за руль и покатил на запад. Он ожидал, что на дорогах выставлены блокпосты, но не увидел ни одного.

Уже в Пенсильвании, в Гованде, он нашел автомобильную мойку-автомат. Завертелись щетки, хлынули струи воды – и из мойки выкатился сверкающий «бискейн», чистый сверху донизу.

Моррис ехал на запад, направляясь к грязному городу, который жители называли жемчужиной Великих озер. Он собирался какое-то время отсидеться там и повидать давнего друга. Опять же, дом – это место, где тебя примут, если ты надумаешь туда вернуться; так говорил Роберт Фрост, и эта точка зрения соответствовала действительности: ведь жаловаться на возвращение блудного сына будет некому. Дорогой папуля давно уже сделал ноги, а дорогая мамуля проводила осень в Принстоне, куда ее пригласили читать лекции о баронах-разбойниках, так что дом на Сикомор-стрит пустовал. Не слишком роскошный дом для крутого профессора – а тем более для автора книги, которая номинировалась на Пулитцеровскую премию, – но в этом следовало винить дорогого папулю. С другой стороны, Моррису нравилось жить в этом доме: он не разделял материнского негодования.

Моррис прослушал новости, но в них ничего не сообщалось об убийстве писателя – причем, согласно все той же статье в журнале «Тайм», не просто писателя, но «человека, который криком требовал от детей безмолвных пятидесятых пробудиться и возвысить свои голоса». Моррис счел это хорошей новостью, но не удивился. Согласно его источникам, домработница Ротстайна приходила к нему раз в неделю. В доме бывал еще и разнорабочий, но он приезжал только по вызову. Моррис и его ныне покойные спутники побывали у Ротстайна на следующий день после визита домработницы, и он мог рассчитывать, что тело обнаружат только через шесть дней.

Во второй половине дня, в сельском Огайо, Моррис проехал мимо комиссионного магазина и развернулся. После недолгих раздумий купил за двадцать долларов дорожный сундук. Старый, но крепкий. Отличное приобретение.

2010 год

Теперь родители Пита Зауберса ссорились часто. Этому родительскому занятию Тина дала прозвище: гавки-тявки. Пит находил, что в этом что-то есть, поскольку во время ссоры их голоса так и звучали: гав-гав-гав, тяв-тяв-тяв. Иногда Питу хотелось подойти к лестнице и крикнуть вниз, чтобы они успокоились. Просто успокоились. *Вы пугаете детей, хотелось крикнуть ему. В этом доме живут дети, или вы настолько глупы, что забыли об этом?*

Пит находился дома, потому что отличников отпускали из школы после ленча, если у них в расписании значились только домашние занятия и игровая площадка. Дверь своей комнаты он оставил открытой и услышал, как отец застучал костылями, быстро пересекая кухню, едва мамин автомобиль свернул на подъездную дорожку. Пит практически не сомневался, что сегодняшние боевые действия откроются фразой отца: «Господи, ты сегодня рано». А мама попеняет ему на провалы памяти: среда у нее всегда короткий день. Папа ответит, что никак не может привыкнуть жить в этой части города, причем в его исполнении это будет звучать так, словно их вынудили перебраться в самую дальнюю, самую отвратительную часть Лоутауна, а не просто в Нортфилд. Покончив с преамбулой, они смогут перейти к настоящим гавкам-тявкам.

Питу не слишком нравился Норт-Сайд, но ничего *ужасного* он в этом районе не находил и даже в тринадцать лет, похоже, понимал экономические реалии их ситуации лучше отца. Может, потому, что ему не приходилось принимать каждый день по четыре таблетки оксиконтин.

Они жили здесь, потому что среднюю школу Грейс Джонсон, где раньше преподавала его мать, закрыли в рамках плана оптимизации расходов, принятого городским советом. Многие учителя Грейс Джонсон так и остались без работы. Но Линду взяли в начальную школу Нортфилд библиотекарем и дежурной по залу самостоятельных занятий. В среду она приезжала рано, потому что библиотека работала до полудня. Как и библиотеки всех школ. Еще одна инициатива по оптимизации расходов. Отец Пита громко возмущался, потому что члены городского совета не «оптимизировали» свое *жалованье*, и называл их чертовыми чайными¹ лицемерами.

О чайных лицемерах Пит ничего не знал. Зато знал другое: нынче Том Зауберс возмущался по любому поводу.

К дому подъехал «форд-фокус», теперь их единственный автомобиль, и мама вышла из него, прихватив с собой старый потертый портфель. Поскользнулась на полоске льда, которая постоянно намерзала в тени за передним крыльцом. Сегодня посыпать это место солью полагалось Тине, но она, обычное дело, забыла. Ссутулившись, мама медленно поднялась по ступенькам. У Пита защемило сердце: она словно тащила на спине мешок кирпичей. Костыли отца тем временем уже отстукивали двойные такты в гостиной.

Парадная дверь открылась. Пит ждал. Надеялся услышать что-то радушное, вроде: *Привет, как прошло твое утро?*

Если бы.

На самом деле Пит не хотел подслушивать гавки-тявки, но в таком маленьком доме просто не мог их не слышать... если только не уходил. И в эту зиму он все чаще и чаще прибегал к этому стратегическому маневру. Но иногда чувствовал, что *обязан подслушивать*, как старший из детей. Мистер Джейкоби на уроках истории любил говорить, что знание – сила, и Пит

¹ Движение чаепития – консервативное политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов, вызванных экономической политикой и скоординированных на местном и национальном уровне. – *Здесь и далее примеч. пер.*

полагал, что именно поэтому необходимо быть в курсе разгорающейся родительской словесной войны. Потому что с каждым гавками-тявками ткань их супружества натягивалась все сильнее и в какой-то момент могла просто разорваться. К этому следовало готовиться.

Но к чему именно? К разводу? Это казалось наиболее вероятным исходом. В чем-то ситуация улучшилась бы, если бы они разбежались – Пит все больше укреплялся в этой мысли, хотя еще не выразил ее словами, – но что именно означал развод *на* (еще одно любимое словечко мистера Джейкоби) *практике*? Кто останется и кто уйдет? Если уйдет отец, как он будет передвигаться без автомобиля, если едва может ходить? Если на то пошло, как кто-то из них может *позволить* себе уйти? Они уже разорены.

По крайней мере Тина не присутствовала при сегодняшней родительской разборке. Она оставалась в школе и теперь редко приходила домой после окончания занятий. Обычно являлась к обеду. Наконец-то нашла себе подругу, Эллен Бриггс, которая жила на углу Сикомор-стрит и Элм-стрит. Пит полагал, что у Эллен куриные мозги, но по крайней мере Тина теперь не слонялась по дому, грустя о прежних подружках, а иногда и плача. Пит терпеть не мог слезы Тины.

А теперь, дамы и господа, отключите мобильники и отложите газеты. Проекторы на сцену, дневное шоу «Мы по уши в дерьме» начинается!

ТОМ. Эй, ты сегодня рано.

ЛИНДА (*устало*). Том, сегодня...

ТОМ. Среда, точно. Короткий день в библиотеке.

ЛИНДА. Ты опять курил в доме. Я чувствую запах.

ТОМ (*начиная дуться*). Только одну сигарету. На кухне. У открытого окна. На ступеньках заднего крыльца лед, я не хотел рисковать. Вдруг бы упал. Пит опять забыл посыпать их солью.

ПИТ (*обращаясь к зрительному залу*). Вы должны знать, что он составил график работ по дому, и на этой неделе посыпать лед солью – обязанность Тины. Эти таблетки оксиконтин, которые отец принимает, не только снимают боль. От них еще и дуреют.

ЛИНДА. Все равно запах чувствуется, и ты знаешь, что договор аренды отдельным пунктом запрещает...

ТОМ. Хорошо, ладно, я понял. В следующий раз я выйду во двор, рискуя свалиться на этих костылях.

ЛИНДА. Дело не только в договоре аренды, Том. Пассивное курение вредно для детей. Мы это уже обсуждали.

ТОМ. И обсуждали, и обсуждали...

ЛИНДА (*начинаят распляться*). Опять же, сколько нынче стоит пачка сигарет? Четыре с половиной доллара? Пять?

ТОМ. Ради Бога, я выкуриваю пачку за неделю!

ЛИНДА (*пробивает его оборону лобовой атакой*). Пять долларов за пачку – это больше двадцати долларов в месяц. И они берутся из моего жалованья. Потому что это наш единственный...

ТОМ. Пошло-поехало.

ЛИНДА...источник дохода.

ТОМ. Ты никогда не перестанешь меня этим попрекать, да? Можно подумать, что я специально полез под этот автомобиль. Чтобы без дела слоняться по дому.

ЛИНДА (*после долгой паузы*). У нас осталось вино? Я бы выпила немного.

ПИТ (*за сценой*). Скажи, что осталось, папа. Скажи.

ТОМ. Вина нет. Может, ты хочешь, чтобы я на костылях прогулялся до «Зоуни» и купил бутылку? Разумеется, тебе придется выдать мне аванс из полагающегося мне *пособия*.

ЛИНДА (*еще не кричит, но на грани*). Ты ведешь себя так, будто случившееся с тобой – моя вина.

ТОМ (*кричит*). *Ничьей* вины тут нет, и это сводит меня с ума! До тебя не доходит? Они так и не поймали парня, который это сделал!

В этот момент Пит решил, что с него хватит. Глупая получалась пьеса. Может, они этого не видели, в отличие от него. Он закрыл учебник литературы. Решил, что дочитает заданный рассказ – написанный каким-то Джоном Ротстайном – вечером. Сейчас ему требовалось выбраться из дома и глотнуть не столь бурлящего эмоциями воздуха.

ЛИНДА (*спокойно*). По крайней мере ты не умер.

ТОМ (*в лучших традициях мыльной оперы*). Иногда я думаю, что было бы лучше, если б я умер. Посмотри на меня: сижу на окси и мучаюсь от боли, потому что он мне больше не помогает. Разве что приму столько, что он наполовину меня убьет. Да еще живу на жалованье жены, которое на тысячу долларов меньше, чем прежде, спасибо этим гребаным чай...

ЛИНДА. Ты полегче с выражени...

ТОМ. Дом? Прощай! Инвалидная коляска с мотором? Прощай! Сбережения? На исходе! И теперь я даже не могу выкурить гребаную сигарету!

ЛИНДА. Если ты думаешь, что причитаниями можно что-то решить, ради Бога...

ТОМ (*взрывается*). Ты называешь это причитаниями? Я называю это реальностью. Хочешь, скину штаны, чтобы ты посмотрела, что осталось от моих ног?

Пит спустился вниз, тихонько, в носках. Лестница выводила в гостиную, но родители его не заметили; они стояли лицом к лицу, играя в дурацкой пьесе, которую никто никогда не увидит. Его отец, навалившись на костыли, наклонился чуть вперед, с красными глазами и щетиной на щеках. Мать прижимала сумочку к груди, словно щит, и кусала губы. Ужасная картина, а самое худшее заключалось в том, что он их любил.

Его отец еще забыл упомянуть про Резервный фонд, созданный через месяц после бойни у Городского центра стараниями единственной оставшейся городской газеты при участии трех местных телевизионных станций. Брайан Уильямс даже показал сюжет об этом фонде в программе «Вечерние новости на Эн-би-си»: о том, как несгибаемый город заботится о своих жителях в час беды, обо всех отзывчивых сердцах, обо всех помогающих руках, бла-бла-бла, а теперь рекламная пауза. Благодаря Резервному фонду дней шесть все горожане гордились собой. Но средства массовой информации ни словом не обмолвились о том, как мало удалось собрать денег со всеми этими благотворительными пешими походами, благотворительными велопробегами и концертом финалиста программы «Американский идол». Резервный фонд оказался слишком скудным, потому что тяжелые времена коснулись всех. И разумеется, собранные деньги приходилось делить на очень и очень многих. Семья Зауберсов получила чек на тысячу двести долларов, потом на пятьсот, потом еще один на двести. В прошлом месяце – с пометкой «ПОСЛЕДНЯЯ ВЫПЛАТА» – пришел чек на пятьдесят.

Увы и ах.

Пит проскользнул на кухню, взял сапоги и куртку и вышел из дома. Прежде всего он обратил внимание, что никакого льда на заднем крыльце нет: отец просто солгал. День выдался слишком теплым для льда, по крайней мере на солнце. До весны оставалось еще полтора месяца, но нынешняя оттепель длилась почти неделю, и на заднем дворе островки снега белели только под деревьями. Пит направился к забору и вышел через калитку.

Одно из преимуществ жизни в этой части Норт-Сайда состояло в том, что за Сикомор-стрит лежала неосвоенная территория – пустошь размером с квартал. Пять акров кустов и чахлах деревьев спускались к замерзшей речке. Отец Пита говорил, что этот участок земли давно находится в таком состоянии и пробудет еще дольше из-за бесконечных судебных тяжб

о праве собственности и о том, что можно здесь строить. «Никто в этих тяжбах не выигрывает, за исключением адвокатов, – объяснял он Питу. – Попомни мои слова».

По мнению Пита, выигрывали и дети, которые хотели поправить душевное здоровье, держась подальше от родителей.

Тропа, бегущая практически по диагонали между голыми деревьями, выводила к Центру досуга на Берч-стрит. С давних пор там собиралась нортфилдская молодежь, но заведение это доживало последние дни. В теплую погоду парни постарше кучковались на тропе и рядом с ней: курили сигареты, травку, вероятно, пили пиво, трахали своих подружек – но не в это время года. Нет больших парней – нет проблем.

Иногда, если ссора очень затягивала родителей – а в последнее время такое случалось все чаще и чаще, – Пит уводил сюда сестру. В Центре досуга они бросали мяч в кольцо, или смотрели видео, или играли в шашки. Он не знал, куда будет водить ее после закрытия центра. Оставался только продовольственный магазин «Зоуни». Сам он обычно шел к речке и бросал камушки. В воду, если она текла, на лед – если замерзала. Гадал, пробьет камень дырку или нет, и наслаждался покоем.

Гавки-тявки не радовали, но больше всего он боялся другого: как бы его отец, теперь всегда взведенный от окси, не ударил мать. Тогда туго натянутая ткань их супружества точно бы лопнула. А если бы нет? Если бы мать с этим смирилась? Все могло обернуться еще хуже.

Такого никогда не случится, говорил себе Пит. Отец этого не сделает.

А если сделает?

В этот день лед еще сковывал речку, но выглядел хрупким, а кое-где на нем появились большие желтые пятна, словно какой-то великан остановился на берегу, чтобы помочиться. Пит ступить на лед не решился. Он бы не утонул – вода доходила разве что до щиколоток, – но не испытывал ни малейшего желания возвращаться домой и объяснять, почему у него мокрые носки и брюки. Он сел на упавшее дерево, бросил несколько камушков (маленькие подпрыгивали и скользили по льду, большие проваливались сквозь желтые пятна), потом какое-то время разглядывал небо. С запада на восток плыли пушистые облака, скорее весенние, чем зимние. Одно напоминало старуху с горбом (или с рюкзаком), второе – кролика, третье – дракона. Еще одно...

Его отвлек мягкий, глуховатый удар, послышавшийся слева. Он повернулся и увидел, что рухнула нависавшая часть откоса, которую неделю размягчал тающий снег. Обвалившаяся земля обнажила корни и без того опасно накренившегося дерева. А под корнями появилось некое подобие пещеры, и, если он не ошибался – если это была не тень, – в пещере что-то лежало.

Пит подошел к дереву, схватился за голую ветвь и наклонился, чтобы рассмотреть получше. Верно, что-то там лежало, причем что-то большое. Может, это торец ящика?

Пит спустился вниз, каблуками выбивая ступени в податливой земле. Оказавшись ниже места маленького оползня, присел. Увидел потрескавшуюся черную кожу и металлические пластины с заклепками. Сундук. Кто-то закопал здесь сундук.

К любопытству присоединилось волнение. Пит схватился за ручку и дернул. Сундук не шевельнулся. Земля держала крепко. Пит дернул еще раз, скорее по инерции. Он уже понимал, что вытащить его не удастся. Во всяком случае, без инструментов.

Пит сидел на корточках, свесив руки между коленями, как частенько сживал отец, когда еще мог так делать, и просто смотрел на сундук, торчавший из черной, пронизанной корнями земли. Мысли об «Острове сокровищ» (или о «Золотом жуке», новелле, которую они проходили по литературе годом раньше) казались безумными, но именно они роились в его голове. Однако были ли они безумными? Мистер Джейкоби не только говорил, что знание – сила, но и настаивал на важности логического мышления. И разве не логичным выглядело предположение, что прятать сундук в лесу будут лишь в одном случае: если в нем лежит что-то ценное?

А ведь сундук явно пролежал в земле достаточно долго. Кожа потрескалась, местами из черной стала серой. У Пита создалось впечатление, что ручка оторвется, дерни он со всей силы. И металлические крепежные полосы потускнели, а кое-где покрылись ржавчиной.

Приняв решение, Пит направился по тропе к дому. Миновал калитку, поднялся на крыльцо к двери на кухню, прислушался. Никаких голосов, телевизор выключен. Отец, вероятно, ушел в спальню (на первом этаже; папа и мама спали там, хотя спальня была маленькой, потому что на второй этаж папа подниматься не мог) и прилег. Мама могла составить ему компанию, иногда гавки-тявки этим заканчивались, но скорее всего она сейчас в комнате-прачечной, которая также служила ей кабинетом, корпит над резюме или ищет работу по Интернету. Отец, возможно, сдался (и Пит признавал, что у него были на то причины), но мать – нет. Она хотела вновь работать учителем полный день, и не только потому, что за это больше платили.

К дому примыкал небольшой гараж, но мама загоняла в него «фокус» лишь перед сильным снегопадом. В нем лежали вещи из прежнего дома, для которых не нашлось места в их нынешнем – более маленьком – съемном жилище. Здесь хранился отцовский ящик с инструментами (Том пытался продать инструменты через «Крейгслист» или что-то такое, но не получил достойную цену), их с Тиной старые игрушки, бачок с солью и совок, кое-какой садовый инвентарь. Пит выбрал лопату и, держа ее перед собой, как солдат – винтовку, побежал на тропу.

Он спустился к самой речке, пользуясь сделанными ранее ступеньками, и принялся забрасывать землей образовавшуюся после маленького оползня пещеру. Конечно, он не смог забросать обнажившиеся корни, но торчащий торец сундука укрыл, к чему и стремился.

На тот момент.

Гавки-тявки, пусть и вялые, продолжались за обедом. Тина на них вроде бы не реагировала, но вечером пришла в комнату Пита, когда он практически закончил уроки. В пижаме и с Миссис Бисли, последней и самой важной куклой-утешительницей, словно вновь стала пятилетней.

– Можно полежать у тебя в кровати, Пити? Мне приснился плохой сон.

Он собрался выставить Тину за дверь, потом решил (мысли о зарытом сундуке не давали ему покоя), что тем самым может отпугнуть удачу. Да и сестренка еще больше огорчится, а под ее красивыми глазками и так пролегли тени.

– Ладно, хорошо, но ненадолго. И чтобы это не вошло у тебя в привычку, – повторил он одну из любимых маминых фраз.

Тина устроилась на кровати, прижавшись к стене – она всегда так спала, – словно собираясь провести здесь ночь. Пит закрыл учебник «Наука о Земле», сел рядом с ней. Подмигнул.

– Слушай, Тинс, голова Миссис Бисли будет упираться мне в зад.

– Я ногами толкну ее дальше. Так лучше?

– А если она задохнется?

– Она не дышит, дурачок. Это всего лишь кукла, и Эллен говорит, что скоро она мне надоест.

– Эллен – тупица.

– Она моя подруга. – Пита позабавило, что Тина не стала спорить. – Но она скорее всего права. Люди вырастают.

– Только не ты. Ты всегда будешь моей маленькой сестричкой. И не вздумай заснуть. Через пять минут ты отправишься в свою комнату.

– Через десять.

– Шесть.

Она задумалась.

– Ладно.

Снизу донесся сдавленный стон, за которым последовал стук костылей. Пит проследил этот звук до кухни. Там отец сядет, закурит и будет выдыхать дым через открытую дверь. Открытая дверь приведет к автоматическому включению обогревателя, а в обогревателе сгорало, по словам матери, не жидкое топливо, а долларовые купюры.

– Они разведутся, как думаешь?

Пит испытал двойное потрясение: во-первых, от вопроса, во-вторых, от буднично-взрослого тона. С языка едва не сорвалось: «Нет, разумеется, нет», – но он подумал о том, что терпеть не мог фильмы, в которых взрослые лгали детям, а такое случалось чуть ли не в *каждом* фильме.

– Не знаю. Этим вечером – точно нет. Суды закрыты.

Тина засмеялась, и он счел это хорошим знаком. Подождал, а вдруг она скажет что-то еще. Но Тина молчала. Мысли Пита вернулись к сундуку, закопанному под деревом у реки. Ему удавалось отгонять эти мысли, пока он делал уроки, но теперь...

– Тинс? Ты лучше не засыпай.

– Я не... – Но, судя по голосу, она уже почти заснула.

– Что бы ты сделала, если бы нашла клад? Закопанный в землю сундук с драгоценностями и золотыми дублонами?

– Что такое дублоны?

– Старинные монеты.

– Отдала бы маме и папе. Тогда они больше не будут ссориться. А ты?

– И я тоже, – кивнул Пит. – А теперь марш в свою кровать, пока мне не пришлось тебя туда нести.

Согласно условиям страхового полиса, Тому Зауберсу физиотерапия полагалась только два раза в неделю. Специальный микроавтобус приезжал за ним по понедельникам и пятницам в девять утра и привозил обратно в четыре дня, после гидротерапии и собрания, на котором люди с давними травмами и хроническими болями собирались в кружок и говорили о своих проблемах. Соответственно, в эти дни дом пустовал семь часов кряду.

В четверг вечером Пит пожаловался на боль в горле. Наутро проснулся со словами, что горло болит по-прежнему, да еще, похоже, поднялась температура.

– Ты горячий, это точно, – подтвердила Линда после того, как приложила внутреннюю сторону запястья к его лбу. Пит очень на это надеялся, потому что перед тем как спуститься вниз, подержал лицо возле лампы на прикроватном столике. – Если завтра тебе не станет лучше, придется ехать к врачу.

– Отличная идея! – воскликнул Том со своей стороны стола, где он сидел, гоня по тарелке яичницу. Он выглядел так, будто ночью совсем не спал. – Может, к специалисту? Я только позвоню в гараж. «Роллс» берет Тина, у нее теннисный урок в загородном клубе, но вот лимузин, думаю, свободен.

Тина рассмеялась. Линда сурово посмотрела на Тома, но прежде чем успела раскрыть рот, Пит ввернул, что *не так* плохо себя чувствует и день, проведенный дома, поправит его здоровье. А если не этот день, то выходные – точно.

– Надеюсь, – вздохнула Линда. – Хочешь чего-нибудь съесть?

Пит хотел, но решил, что при больном горле говорить такого не следует. Он прикрыл рот рукой и покашлял.

– Пожалуй, выпью сока. А потом пойду наверх и попытаюсь еще поспать.

Тина ушла первой, вприпрыжку помчалась на угол, где могла поболтать с Эллен на те странные темы, которые обсуждают девятилетние, дожидаясь школьного автобуса. Потом мама уехала в школу на «фокусе». Последним отбыл отец, на костылях добравшись до ожидавшего

его микроавтобуса. Пит наблюдал за его отъездом из окна спальни, думая, что отец как-то сжался. Волосы, торчавшие из-под бейсболки с логотипом «Сурков», начали сесть.

После отъезда микроавтобуса Пит оделся, схватил одну из крепких полотняных сумок для продуктов, которые мать держала в кладовой, и отправился в гараж. Из отцовского ящика для инструментов достал молоток и зубило, положил в пакет. Прихватил лопату, пошел к воротам, но вернулся и захватил монтажный лом. Он никогда не был бойскаутом, однако верил в основательную подготовку к любому делу.

Утро выдалось довольно холодным, и дыхание вырывалось паром изо рта, но к тому времени, когда Пит достаточно поработал лопатой, чтобы предпринять попытку вытащить сундук, температура воздуха поднялась выше нуля, и в куртке он сильно вспотел. Пит повесил ее на низкую ветку, огляделся (не в первый раз), чтобы убедиться, что он по-прежнему один. Никого не увидел, натер ладони землей, словно бэттер, готовящийся к удару по мячу. Схватился за ручку, напоминая себе, что она может оторваться. Меньше всего ему хотелось кувыркком скатиться с насыпи. Если бы он упал в воду, проломив лед, то действительно мог бы заболеть.

Возможно, в сундуке лежала только старая, заплесневелая одежда... да только кто будет зарывать в землю сундук со старой одеждой? Почему не сжечь ее или не отнести в Армию спасения?

Впрочем, узнать, что внутри, он мог только одним способом.

Пит глубоко вдохнул, плотно сжал губы и потянул. Сундук не шевельнулся, только ручка предупреждающе закрипела, но Пита это не остановило. Он обнаружил, что сундук качается, и тут же вспомнил отца, который завязывал нитку на молочном зубе Тины, раскачивал его, а потом выдергивал, если тот не вылезал сам.

Пит опустил на колени (напомнив себе, что должен или выстирать джинсы, или запрятать поглубже в стенной шкаф) и заглянул в раскоп. Увидел толстый корень, который, как шупальце, обвился вокруг дальней части сундука. Схватил лопату и принялся рубить корень. Сразу не получилось, ему пришлось несколько раз отдыхать, но в итоге он справился. Отложил лопату и вновь взялся за ручку. Сундук уже не так прочно сидел в земле. Чувствовалось: еще чуть-чуть, и его удасться вытащить. Пит посмотрел на часы. Четверть одиннадцатого. Он подумал о маме, которая могла позвонить домой на перемене, чтобы узнать, как он себя чувствует. Это не проблема: не дождавшись ответа, она подумает, что он спит. Но Пит напомнил себе, что, вернувшись, надо проверить автоответчик. Он взял лопату и принялся подрывать землю вокруг сундука и обрубать мелкие корни. Потом вновь ухватился за ручку.

– На этот раз ты вылезешь, – сказал он. – На этот раз точно вылезешь.

Потянул. Сундук заскользил вперед так неожиданно и легко, что Пит наверняка свалился бы, если бы не широко расставленные ноги. Теперь сундук торчал из земли, чуть присыпанный сверху. Пит видел защелки на передней стороне, старинные, как на обеденных контейнерах, какие носили с собой рабочие. И большой замок. Пит вновь дернул за ручку, и на этот раз она оторвалась.

– Твою мать, – выдохнул Пит, глядя на руки, покрасневшие и зудящие.

Что ж, сказал «а» – говори «б» (еще одно из любимых выражений матери). Пит обхватил сундук неуклюжим медвежьим объятием и подался назад. На этот раз сундук полностью вылез из земли, и солнце впервые за много лет осветило этот влажный грязный реликт с ржавой фурнитурой. Длина сундука составляла два с половиной фута. Ширина – как минимум полтора. Пит приподнял край сундука и прикинул, что весит тот никак не меньше шестидесяти фунтов, половину его собственного веса. Однако он понятия не имел, сколько приходится на содержимое, а сколько – на сам сундук. В любом случае дублонов внутри не было. Если бы сундук наполнили золотом, он не смог бы вытащить его из земли. Не говоря о том, чтобы поднять.

Пит открыл защелки – полетели фонтанчики земли – и наклонился к замку, готовясь вскрыть его молотком и зубилом. А потом, если бы не удалось, пустить в ход монтажный лом. Но сначала... не попробуешь – не узнаешь...

Он взялся за крышку, и она поднялась, скрипнув засыпанными землей петлями. Позже он предположил, что кто-то купил этот дорожный сундук в комиссионном магазине задешево, потому что от него не было ключа, но в тот момент только таращился на содержимое. Не чувствовал вздвухшегося на ладони волдыря, боли в спине и бедрах, пота, стекавшего по грязному лицу. Не думал о матери, отце или сестре. Не думал о гавках-тявках, во всяком случае, тогда.

Сундук был выстлан полиэтиленовой пленкой, чтобы предохранить содержимое от сырости. Под пленкой Пит видел вроде бы записные книжки. Он стер с пленки конденсат ребром ладони, словно дворником ветрового стекла. Действительно, записные книжки, красивые, с кожаными обложками. Не меньше сотни. Но не только они. Еще конверты, похожие на те, в каких его мать приносила деньги после того, как обналичивала чек. Пит сдернул пленку. Прочитал напечатанные на конвертах надписи: «ГРЭНИТ СТЕЙТ БАНК» и *Ваш верный друг*. Потом он заметит определенные отличия этих конвертов от тех, что его мама приносила из «Корн банк энд траст» – отсутствие электронного адреса и предложения использовать банкомат для снятия наличных, – но в тот момент Пит только смотрел. Сердце колотилось так сильно, что перед глазами запрыгали черные точки, и у него даже мелькнула мысль, а не теряет ли он сознание.

Черта с два, в обморок падают только девчонки.

Может, и так, но он действительно ощущал слабость и дурноту и осознавал, в чем проблема: открыв чемодан, он забыл, что надо дышать. Пит набрал полную грудь воздуха, выдохнул, набрал снова. Ему полегчало, голова прочистилась, однако теперь сердце колотилось еще сильнее, а руки тряслись.

Эти банковские конверты будут пустыми. Наверняка. Люди находят клады с деньгами в романах и фильмах, но не в реальной жизни.

Только конверты не *выглядели* пустыми. Они выглядели *набитыми*.

Пит потянулся к одному, потом ахнул, услышав шуршание на другой стороне речки. Развернулся и увидел двух белок, принявших недельную оттепель за приход весны и резвившихся в опавших листьях. Белки взбежали на дерево, подергивая хвостами.

Пит повернулся к чемодану и схватил один из банковских конвертов. Он не был заклеен. Пит приподнял клапан пальцем, который сразу онемел, как на морозе, хотя температура воздуха точно перевалила за сорок градусов². Раскрыв конверт, Пит заглянул внутрь.

Деньги.

Двадцатки и полусотенные.

– Святой Иисус на небесах, – прошептал Пит Зауберс.

Он вытащил пачку купюр и попытался сосчитать, но руки так сильно тряслись, что он их выронил, а когда подбирал, перегревшийся мозг заверил его, что с одной ему подмигнул Улисс Грант.

Он сосчитал. Четыреста долларов. Четыреста долларов в одном конверте, и в сундуке их десятки.

Пит засунул купюры обратно в конверт – работа не из легких, учитывая, что руки тряслись сильнее, чем у дедушки Фреда в последние годы его жизни. Бросил конверт в сундук и огляделся широко раскрытыми, выпученными глазами. Шум транспортного потока, обычно слабый и далекий на этом заросшем кустами и деревьями участке, внезапно усилился, стал угрожающим. Клад Пит нашел не на Острове сокровищ, а в городе, где проживало более мил-

² По Фаренгейту. Примерно 4,4°C.

лиона людей, многие из которых остались без работы и обрадовались бы содержимому этого сундука.

«Думай, – сказал себе Пит Зауберс. – Это самое важное событие в твоей жизни, может, важнее уже ничего *не случится*, так что *думай* и постарайся найти правильное решение».

Ему вдруг вспомнилась Тина, устроившаяся у стенки в его кровати. *Что бы ты сделала, если бы нашла клад?* – спросил он тогда.

Отдала бы маме и папе, ответила Тина.

Но, допустим, мама захотела бы все вернуть?

Да, это важный момент. Папа бы не вернул, Пит это знал, но мама была из другого теста. Она четко знала, что правильно, а что – нет. Покажи он им сундук, все могло закончиться самыми жуткими гавками-тявками по части денег.

– А кроме того, вернуть *кому?* – прошептал Пит. – Банку?

Нелепо.

Или нет? Может, деньги – действительно пиратский клад, только закопали его грабители банков, а не пираты. Тогда почему деньги в конвертах, словно из банка? И что это за черные записные книжки?

Обдумать все это он мог позже. Сейчас следовало действовать. Пит посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Время есть, но его надо использовать с умом.

– Использовать или потерять, – прошептал Пит и начал лихорадочно перекидывать конверты «Грэнит стейт банк» в полотняную сумку для продуктов, где лежали молоток и зубило. Он вытащил сумку с откоса на высокий берег, накрыл курткой. Бросил полиэтиленовую пленку в сундук, закрыл крышку, засунул сундук в дыру. Остановился, чтобы стереть со лба пот и грязь, схватил лопату и с маниакальной скоростью принялся забрасывать сундук землей. Более или менее прикрыв его, поднял куртку, сумку и побежал по тропе к дому. Решил, что первым делом спрячет сумку у дальней стены стенного шкафа в своей комнате, а потом посмотрит, нет ли сообщения от матери на автоответчике. Если на мамином фронте все спокойно (и если отец не вернулся раньше с физиотерапии, а это было бы ужасно), он сможет вернуться к речке и замаскировать сундук получше. Потом сможет заглянуть в записные книжки, но по пути к дому в то солнечное февральское утро они интересовали его только с одной стороны: под ними или среди них могли находиться другие конверты с деньгами.

Пит думал: «Я должен принять душ, а потом смыть с ванны всю грязь, чтобы мама не спросила, что я делал на улице, когда мне полагалось лежать в постели. Я должен соблюдать предельную осторожность и никому ничего не говорить. Ни единому человеку».

Когда он принимал душ, его осенило.

1978 год

Дом – это место, где тебя примут, если ты надумаешь туда вернуться, но, когда Моррис прибыл к дому на Сикомор-стрит, ни единое освещенное окно не разгоняло вечерний сумрак и никто не встретил его у двери. Да и кто мог его встретить? Мать находилась в Нью-Джерси, читала лекции о бизнесменах девятнадцатого столетия, которые пытались украсть Америку. Делилась знаниями с аспирантами, которые и сами, вероятно, намеревались украсть все, до чего смогут дотянуться в погоне за Золотым баксом. Кто-то мог сказать, что и Моррис погнался за несколькими Золотыми баксами, отправившись в Нью-Хэмпшир, но они ошибались. Он ездил туда не за деньгами.

Он хотел поставить «бискейн» в гараж, чтобы автомобиль никому не мозолил глаза. Черт, он хотел спрятать «бискейн», но понимал, что с этим надо подождать. Первой в списке стояла другая задача: Полина Мюллер. Жители Сикомор-стрит в большинстве своем прилипали к телевизорам, как только начинался прайм-тайм, и не увидели бы летающую тарелку, приземлившуюся на лужайке перед домом, но только не миссис Мюллер. Соседка Беллами возвела подсматривание в ранг высокого искусства. Поэтому Моррис сразу пошел к ней.

– Посмотрите, кто пришел! – воскликнула она, открыв дверь... как будто и не выглядывала из окна кухни, когда Моррис свернул на подъездную дорожку. – Морри Беллами! Во всей своей красе!

Моррис ослепительно улыбнулся:

– Как поживаете, миссис Мюллер?

Она обняла Морриса, и ему пришлось ответить тем же, хотя он с радостью обошелся бы без этих объятий. Потом повернула голову, колыхнув вторым подбородком, и крикнула:

– Берт! *Берти!* Это Морри Беллами!

Из гостиной донеслось двойное бурчание, которое, вероятно, расшифровывалось как *добрый вечер*.

– Заходи, Морри! Заходи! Я поставлю кофе. И знаешь что? – Она игриво вскинула неестественно черные брови. – У меня есть торт «Сара Ли».

– У меня даже слюнки потекли, но я прямо из Бостона. Ехал без остановки. Вымотался донельзя. Просто не хотел, чтобы вы вызвали полицию, увидев свет в окнах нашего дома.

Она по-обезьяньи захихикала.

– Какой ты *предусмотрительный!* Но ты всегда таким был. Как твоя мамуля, Морри?

– Отлично.

Об этом он не имел ни малейшего понятия. После того как в семнадцать он отправился в исправительное заведение, а в двадцать один не смог поступить в городской колледж, отношения между Моррисом и Анитой Беллами свелись к редким телефонным звонкам. Они общались холодно, но в рамках приличий. После ссоры, приведшей к аресту за кражу со взломом и другие правонарушения, они практически перестали существовать друг для друга.

– Ты нарастил мышцы, – заметила миссис Мюллер. – Девушкам *это* наверняка нравится. Раньше был таким *худеньким*...

– Строил дома...

– Строил *дома!* Ты! Святой Боже! Берти! *Моррис строил дома!*

Из гостиной вновь донеслось неразборчивое бурчание.

– Но потом с работой стало туго, вот я и приехал сюда. Мама говорила, что я могу здесь пожить, если она не сдаст дом в аренду, но я, вероятно, надолго не задержусь.

И он оказался *совершенно* прав.

– Пройди в гостиную, Морри, и поздоровайся с Бертом.

– Я лучше зайду в другой раз, – ответил Морри и, чтобы избежать дальнейших уговоров, добавил: – *Привет, Берт!*

Опять неразборчивое бурчание, что-то вроде: *С возвращением.*

– Тогда завтра. – Брови миссис Мюллер вновь пришли в движение. Она словно имитировала Граучо Маркса. – Торт я приберегу. Могу даже *взбить сливки.*

– Отлично, – ответил Моррис. Не приходилось особо рассчитывать, что до завтра миссис Мюллер умрет от сердечного приступа, но вероятность оставалась. Как сказал другой великий поэт, родник надежды вечно бьет в человеческой груди³.

Ключи от дома и гаража нашлись на обычном месте: на гвоздике под свесом справа от крыльца. Моррис загнал «бискейн» в гараж и поставил сундук из комиссионного магазина на бетонный пол. Ему не терпелось сразу же приняться за четвертый роман о Джимми Голде, но записные книжки лежали вперемешку, а кроме того, его глаза закрылись бы прежде, чем он прочитал первую страницу, исписанную мелким почерком Ротстайна: он действительно вымотался.

«Завтра, – пообещал он себе. – После того как поговорю с Энди и пойму, что он хочет с этим сделать. Я рассортирую записные книжки по порядку и начну читать».

Морри засунул сундук под старый отцовский верстак и накрыл полиэтиленовой пленкой, которую нашел в углу. Потом прошел в дом и обследовал свое прежнее жилище. Выглядело оно как и раньше, то есть жалко. В холодильнике нашлись только банка маринованных огурцов да коробка с пищевой содой, зато в морозильной камере лежало несколько обедов «Голодный человек». Один он сунул в духовку, включил ее, установил температуру 350 градусов⁴ и поднялся в свою спальню.

«Я это сделал, – думал он. – Сделал. У меня рукописи Джона Ротстайна, которые тот писал восемнадцать лет».

Моррис слишком устал, чтобы чувствовать восторг, даже удовлетворенность. Он чуть не заснул в душе, клевал носом над говняным мясным рулетом и мерзким картофельным пюре. Тем не менее съел все и вновь поднялся по лестнице. Отключился через сорок секунд после того, как голова коснулась подушки, и открыл глаза только следующим утром в двадцать минут десятого.

Хорошо отдохнув и купаясь в солнечном свете, который вливался в окно и падал на кровать его детства, Моррис *ощутил* восторг, и ему не терпелось поделиться им, а это означало поездку к Энди Холлидею.

Он нашел в шкафу брюки цвета хаки и рубашку в полоску, пригладил волосы, заглянул в гараж, чтобы убедиться, что там все в порядке. Направляясь к автобусной остановке, весело помахал рукой миссис Мюллер: она выглядывала в просвет между портьерами. Прибыл в центр почти ровно в десять, прошел квартал, посмотрел вдоль Эллис-авеню в направлении «Счастливой чашки», где столики стояли на тротуаре под розовыми зонтами. Конечно же, Энди сидел за одним из столиков и пил кофе, устроив себе маленький перерыв. Спиной к Моррису, так что тот мог подойти незамеченным.

– *Попался!* – воскликнул он, схватив за плечо Энди, одетого в старый вельветовый пиджак.

Его давний друг – его единственный друг в этом жалком городишке – подпрыгнул и развернулся. Чашка перевернулась, кофе разлился. Моррис отступил на шаг. Он хотел напугать Энди, но не до *такой* степени.

³ Отсылка к поэме «Опыт о человеке» Александра Поупа (1688–1744).

⁴ По Фаренгейту. Примерно 176,7°C.

– Слушай, изви...

– Что ты *вытворяешь*? – спросил Энди тихим, хриплым шепотом. Его глаза сверкали за очками в роговой оправе, которые Моррис всегда считал показушными. – Что, твою мать, ты *вытворяешь*?

Такого приема Моррис никак не ожидал. Он сел за столик.

– То, о чем мы говорили. – Он всмотрелся в лицо Энди и не увидел привычного насмешливого интеллектуального превосходства. Энди боялся. Морриса? Возможно. За себя? Безусловно.

Моррис принес с собой пакет из плотной коричневой бумаги, который нашел на кухне. Сейчас он достал из него одну из записных книжек Ротстайна и положил на столик, подальше от лужицы разлитого кофе.

– Образец. Один из великого множества. Их не меньше ста пятидесяти. Еще не успел сосчитать, но это настоящий джекпот.

– Убери немедленно! – Энди продолжал шептать, как персонаж плохого шпионского фильма. Его глаза метались из стороны в сторону, постоянно возвращаясь к записной книжке. – Убийство Ротстайна на первой полосе «Нью-Йорк таймс» и на всех телевизионных каналах, идиот!

Эта новость неприятно удивила Морриса. Он рассчитывал, что пройдет как минимум три дня, прежде чем кто-то найдет тело, может, даже шесть. Но в реакции Энди угадывалось нечто большее, чем просто удивление. Он напоминал загнанную в угол крысу.

Моррис попытался симитировать улыбку Энди, казалось, говорившую: «я-так-умен-что-меня-от-этого-тошнит».

– Успокойся, в этой части города все таскают с собой записные книжки. – Он показал на улицу, идущую к Гавенмент-сквер. – Вон один с такой.

– Только не «Молескины»! Господи, приходящая домработница знала, в каких записных книжках писал Ротстайн, и в газете написано, что сейф в кабинете найден открытым и пустым! *Убери... ее!*

Моррис пододвинул записную книжку к Энди, следя за тем, чтобы не угодить ей в кофейную лужу. Энди все больше его раздражал – доставал, как сказал бы Джимми Голд, – но он также испытывал садистское наслаждение, наблюдая, как Энди вжимается в спинку своего стула, словно записная книжка могла заразить его чумой.

– Давай взгляни. В этой преимущественно поэзия. Я пролистал ее, пока ехал в автобусе.

– *В автобусе? Ты рехнулся?*

– Стихи так себе, – продолжил Моррис, словно не слыша Энди, – но они его, это точно. Написанные собственноручно. Невероятно ценные. Мы говорили об этом. Несколько раз. Говорили, как нам...

– *Убери ее!*

Моррису не хотелось признавать, что паранойя Энди заразительна, но, похоже, так оно и было. Он убрал записную книжку в пакет и мрачно посмотрел на своего друга (*единственного друга*).

– Я же не предлагаю устроить гаражную распродажу.

– А где остальные? – спросил Энди и продолжил до того, как Моррис успел ответить: – Не важно. Я не хочу знать. Ты понимаешь, как их сейчас ищут? И *тебя* тоже!

– Меня никто не ищет, – ответил он, но чувствовал, как горят щеки и даже загривок. Энди вел себя так, будто вот-вот наложит в штаны, а вовсе не как человек, принимавший участие в преступлении века. – Никто не свяжет меня с Ротстайном, и я понимаю, что должно пройти какое-то время, прежде чем мы сможем продать их какому-нибудь частному коллекционеру. Я не тупой.

– Продать их колле... Морри, ты *себя* слышишь?

Моррис сложил руки на груди, всмотрелся в своего друга. В человека, который был его другом.

– Ты ведешь себя так, будто мы никогда не говорили об этом. Будто ничего не планировали.

– Мы *ничего* не планировали! Это была история, которую мы придумывали. Мне казалось, ты это понимаешь!

Моррис понял другое: именно эту версию Энди Холлидей изложит полиции, если его, Морриса, поймают. И Энди *ожидал*, что его поймают. Впервые Моррис со всей очевидностью осознал, что Энди – не интеллектуальный гигант, стремившийся присоединиться к нему в совершении реального преступления, а еще один слабак. Заштатный продавец книжного магазина, всего на несколько лет старше Морриса.

Ине нужна мне твоя дебильная литературная критика, сказал Ротстайн Моррису в последние минуты своей жизни. *Я ее наслушался задолго до твоего рождения.*

Его виски начали пульсировать болью.

– Мне следовало сообразить, что к чему. Вся эта твоя болтовня о частных коллекционерах, кинозвездах, саудовских принцах и уж не знаю о ком там еще – болтовня, и ничего больше. Ты просто треплю.

Удар достиг цели, прямо в яблочко. Моррис это видел и радовался. Точно так же он радовался, когда во время последнего спора с матерью ему удалось пару раз прижать ее к стенке.

Энди наклонился вперед, его щеки пылали, но не успел он заговорить, как появилась официантка со стопкой салфеток.

– Позвольте вытереть эту лужу, – сказала она. Молодая, натуральная пепельная блондинка, симпатичная, может, даже красивая. Она улыбнулась Энди, тот ответил вымученной гримасой и отпрянул от нее, точно так же, как чуть раньше – от записной книжки «Молескин».

«Он же гомик, – изумленно подумал Моррис. – Он чертов гомик. Как вышло, что я этого не знал? Как вышло, что не видел? Да у него это на лбу написано!»

Что ж, он многого не замечал в Энди. Моррис подумал о присказке одного парня, который работал с ним на стройке: *Снаружи шик, а внутри – пишик.*

Когда официантка ушла, унеся с собой терпкую ауру женственности, Энди наклонился вперед:

– Коллекционеры исключаются. Они собирают картины, скульптуру. Первые издания... Один нефтяник в Техасе собрал коллекцию восковых цилиндров с первыми записями стоимостью миллион долларов, другой – все тематические журналы в период с тысяча девятьсот десятого по пятьдесят пятый год, вестерны, научную фантастику и ужастики. Думаешь, все это покупалось и продавалось законно? Черта с два. Коллекционеры – безумцы, худшим из них плевать, есть в их коллекции краденое или нет, прежде всего потому, что свои сокровища они никому не собираются показывать.

Моррис все это уже слышал, и эта мысль, вероятно, отразилась на его лице, потому что Энди наклонился к нему еще ближе. Их носы чуть ли не соприкасались. Моррис уловил запах «Английской кожи» и задался вопросом, является ли этот лосьон после бритья фаворитом у гомиков? Тайным знаком или чем-то таким.

– Ты думаешь, кто-то из этих парней выслушает меня?

Моррис Беллами, перед которым Энди Холлидей предстал в новом свете, ответил, что, пожалуй, нет.

Энди выпятил нижнюю губу.

– Впрочем, когда-нибудь они послушают. Да. Как только у меня появится собственный магазин и клиентура. Но на это уйдут годы.

– Мы говорили, что придется подождать лет пять.

– *Пять?* – Энди нервно рассмеялся и вновь откинулся на спинку стула. – Через пять лет я, возможно, и открою свой магазин. Приглядел одно местечко на Лэйсмейкер-лейн. Там сейчас торгуют тканями, но, похоже, долго не протянут. Однако для того, чтобы найти клиентов с деньгами и установить с ними доверительные отношения, времени потребуется гораздо больше.

Сплошные «но», подумал Моррис. А ведь раньше их не было.

– Как долго? – спросил он.

– Почему бы тебе не предложить мне эти записные книжки на заре двадцать первого века, если они все еще будут у тебя? Даже если я *позвоню* кому-нибудь из частных коллекционеров прямо сейчас, сегодня, самый безумный из них к этим записным книжкам не притронется. Они нынче в фокусе внимания.

Какое-то время Моррис смотрел на него, лишившись дара речи. Потом сказал:

– Ты ничего такого не говорил, когда мы планировали...

Энди зажал уши руками.

– Мы *ничего* не планировали! И не пытайся повесить это на меня! Никогда. Я тебя знаю, Морри. Ты украл их не для того, чтобы продать, во всяком случае, до тех пор, пока не прочитаешь. Потом ты, вероятно, захочешь вернуть часть этих записных книжек миру, при условии, что за них дадут достойную цену. А вообще, если на то пошло, ты совершенно свихнулся на Джоне Ротстайне.

– Не смей так про меня говорить. – Боль в висках все усиливалась.

– Буду, если это правда, и так оно и есть. Ты свихнулся и на Джимми Голде. Поэтому и попал в тюрьму.

– Я попал в тюрьму из-за моей матери. Она бы сама с радостью посадила меня под замок.

– Не важно. С тех пор много воды утекло. Сейчас значение имеет настоящее. Тебе очень повезет, если полиция в самое ближайшее время не нагрянет к тебе, причем наверняка с ордером на обыск. И если записные книжки будут у тебя, когда они постучатся в дверь, твоя песенка спета.

– С чего они ко мне придут? Никто нас не видел, а мои напарники... – Он подмигнул. – Скажем так: мертвые умеют хранить секреты.

– Ты... что? *Убил* их? Их *тоже* убил? – Лицо Энди исказилось от ужаса.

Моррис знал, что не следовало этого говорить, но – забавно, это «но» постоянно вылезало – Энди оказался таким говнюком.

– Как назывался город, в котором жил Ротстайн? – Глаза Энди вновь бегали по сторонам, словно он ожидал, что копы уже приближаются с пистолетами наготове. – Толбот-Корнерс, так?

– Да, но там главным образом фермы. А сам Корнерс находится севернее. Это столовка, продовольственный магазин и автозаправочная станция на пересечении двух местных дорог.

– И сколько раз ты там побывал?

– Может, пять. – Точнее, не меньше десяти, между семьдесят шестым и семьдесят восьмым годами. Сначала в одиночку, потом с Фредди или Кертисом, а то и с обоими.

– Задавал вопросы о самом знаменитом жителе города?

– Конечно. Раз или два. И что? Вероятно, каждый, кто заходит в эту столовку, спрашивает о...

– Нет, тут ты ошибаешься. Большинство приезжих плевать хотели на Джона Ротстайна. Если они и задают вопросы, так насчет начала сезона охоты на оленей или какая рыба ловится в местном озере. Ты думаешь, местные не вспомнят тебя, когда полиция начнет спрашивать, не интересовался ли кто из чужаков стариком, который написал «Бегуна»? Любопытных чужаков, приезжавших не раз и не два? А ведь ты уже сидел, Морри!

– В колонии для несовершеннолетних. Это дело закрыто.

– Иногда, если преступление привлекает такое внимание, могут заглянуть и в старые дела. А твои напарники? Никто из них не сидел?

Моррис промолчал.

– Ты не знаешь, кто тебя видел, и ты не знаешь, кому твои напарники могли похвастаться о крупном деле, которое хотят проверить. Полиция может прихватить тебя уже *сегодня*, идиот. Если они это сделают и ты упомянешь меня, я буду отрицать, что мы когда-либо говорили об этом. Но я дам тебе совет. Избавься от *этого!* – Он указал на бумажный пакет. – Этой и остальных записных книжек. Спрячь их где-нибудь. Закопай! Если ты это сделаешь, то, возможно, тебе удастся выкрутиться, если тебя прижмут. При условии, что вы нигде не оставили отпечатков пальцев или чего-то такого.

«Не оставили, – подумал Моррис. – Я не такой глупый. И я не трусливый гомик, который может только болтать языком».

– Может, нам удастся их использовать, но через много-много лет и при условии, что тебя не схватят. – Он поднялся. – А пока держись от меня подальше, не то я сам позвоню в полицию.

Энди ушел быстрым шагом, опустив голову, не оглядываясь.

Моррис еще какое-то время сидел за столиком. Вернулась красивая официантка, спросила, не принести ли ему чего. Он покачал головой. Когда она отошла, взял со столика пакет с записной книжкой и ушел из кафе. В противоположном направлении.

Моррис, естественно, знал, что такое антропоморфизм – отражение человеческих чувств в природе, – и думал, что это дешевый, создающий настроение прием второразрядных писателей, но в этот день именно так, похоже, и происходило. Утром яркий солнечный свет в полной мере отражал и даже усиливал чувство восторга Морриса, однако к полудню солнце превратилось в блеклый диск за пологом облаков, а к трем часам, когда его тревоги заметно усилились, вокруг потемнело и заморосил дождь.

Сев за руль «бискейна», он поехал в торговый центр, расположенный рядом с аэропортом, постоянно высматривая патрульные автомобили. Когда на Эйрлайн-бульвар один возник позади, с включенной мигалкой, и начал нагонять Морриса, желудок у него заледенел, а сердце, казалось, запрыгнуло в горло. Копы промчались мимо, не сбавляя скорости, но облегчения это не принесло.

Моррис поймал информационный выпуск радиостанции БАМ-100. Первой шла новость о мирных переговорах между Садатом и Бегиним в Кемп-Дэвиде (Да, как будто *такое* когда-нибудь случится, рассеянно подумал Моррис), но вторая касалась убийства знаменитого американского писателя Джона Ротстайна. Представитель полиции сообщал, что это дело рук «вооруженной преступной группы» и ведется отработка нескольких версий. Скорее всего пустил пыль в глаза.

А может, и нет.

Моррис не думал, что его смогут выследить по показаниям глуховатых стариков, что околачивались в придорожном ресторане «Ням-ням» в Толбот-Корнерс, что бы там ни говорил Энди, но гораздо больше его тревожило другое. Он, Фредди и Кертис работали в «Донахью констракшн», компании, строившей дома в Денверсе и Норт-Беверли. Работали в разных бригадах, и большую часть этих шестнадцати месяцев, когда они носили доски и забивали гвозди, он провел в Денверсе, тогда как Фредди и Кертис – на другой строительной площадке, в пяти милях. Но все-таки некоторое время они работали *вместе*, а потом частенько встречались в обеденный перерыв.

И об этом знали многие.

Моррис припарковал «бискейн» среди тысячи автомобилей рядом с той частью торгового центра, которую занимал универмаг «Джей-Си Пенни», протер все поверхности, к которым прикасался, и оставил ключ в замке зажигания. Затем быстро ушел, подняв воротник куртки

и надвинув на лоб бейсболку с логотипом «Кливленд ин-дианс». У главного входа в торговый центр сел на скамью, дожидаясь автобуса до Нортфилда, поднялся в салон, бросил пятьдесят центов в кассовый ящик. Дождь усилился, автобус ехал медленно, но Моррис ничего не имел против. Он использовал это время, чтобы подумать.

Энди оказался трусом и эгоистом, но в одном его правоту следовало признать. Записные книжки надо спрятать, причем немедленно, как бы ему ни хотелось ознакомиться с их содержанием, начав с нового романа о Джимми Голде. Если копы заявятся и не найдут у него записных книжек, они ничего не смогут сделать, правда? Подозрения к делу не пришьешь.

Так?

За шторами соседнего дома никого не было, что спасло Морриса от еще одного разговора с миссис Мюллер, по ходу которого ему, возможно, пришлось бы объяснять, почему он продал автомобиль. Дождь превратился в ливень, но Морриса это устраивало: никто не будет слоняться по пустоши между Платановой и Березовой улицами. Особенно с наступлением темноты.

Он вытащил все из потрепанного дорожного сундука, из последних сил сопротивляясь неистовому желанию заглянуть в записные книжки. Он понимал, что если заглянет, не остановится, пока не просмотрит все. Позже, подумал он. Сейчас не до удовольствий, Морри. Совет был дельный, но озвучил его голос матери, и в висках вновь запульсировала боль. По крайней мере надолго откладывать удовольствие он не собирался. Если полиция не нагрянет к нему в ближайшие три недели (в крайнем случае месяц), он сможет расслабиться и взяться за записные книжки.

Моррис застелил сундук полиэтиленовой пленкой, чтобы содержимое не отсырело, и загрузил в него все записные книжки, включая ту, которую показывал Энди, а сверху уложил конверты с деньгами. Закрыв сундук, подумал, открыл вновь, сдвинул пленку и достал из одного конверта пару сотен долларов. Конечно, при обыске ни один коп не удивился бы наличию такой суммы. Моррис вполне мог сказать, что получил эти деньги при расчете или что-то такое.

Дождь, барабанивший по крыше гаража, его не успокаивал. Моррису казалось, что по железу стучат чьи-то костлявые пальцы, и от этого стука у него разболелась голова. Он замирал всякий раз, когда мимо проезжал автомобиль, ожидая, что фары и синие мигалки зальют светом подъездную дорожку. Черт бы побрал Энди Холлидея, вселившего в меня эту бессмысленную тревогу, подумал Моррис. Черт бы побрал этого наглого гомика!

Вот только тревога могла оказаться вовсе не бессмысленной. И по мере того как день полз к сумеркам, Моррис Беллами все больше склонялся к мысли, что копы смогут связать его с Кертисом и Фредди. Эта гребаная зона отдыха! Почему он не оттащил трупы в лес? Но едва ли это сильно замедлило бы расследование. Копов вызвали бы даже из-за пятен крови. А у копов были собаки...

– И кроме того, – сказал он сундуку, – я торопился. Так?

Ручная тележка отца по-прежнему стояла в углу, рядом с ржавой киркой и двумя ржавыми лопатами. Моррис положил сундук на тележку, закрепил и выглянул из гаражного окна. Слишком светло. Теперь, после завершения всех приготовлений к тому, чтобы избавиться от записных книжек и денег – временно, успокаивал он себя, это временная мера, – в нем крепла уверенность, что копы нагрянут с минуты на минуту. Допустим, миссис Мюллер сообщила им о его подозрительном поведении. Вероятность, конечно, невелика, она тупа как дерево, но как знать?

Моррис заставил себя проглотить еще один замороженный обед в надежде, что калории помогут унять головную боль. Но голова разболелась еще сильнее. Он заглянул в материнскую

аптечку в поисках адвила или аспирина, но не нашел ничего. Ну и пошла ты, мамаша, сама знаешь куда, подумал он. Да, в прямом смысле. *Пошла на...*

Он увидел ее улыбку. Сухую и холодную.

В семь вечера еще было светло, чертово солнце никак не хотело сдавать позиции, но окна соседнего дома по-прежнему оставались темными. Морриса это радовало, однако он понимал, что Мюллеры могут вернуться с минуты на минуту. А кроме того, он слишком разнервничался, чтобы ждать дольше. Он порылся в стенном шкафу, нашел пончо.

Открыл заднюю дверь гаража и выкатил тележку на лужайку. Трава намокла, земля стала мягкой, каждый шаг давался с трудом. Тропу – подростком он был на ней частым гостем, обычно бегал в Центр досуга на Берч-стрит – укрывали от дождя кроны деревьев, и идти сразу стало легче. К тому времени, когда он добрался до речки, по диагонали пересекавшей пустошь, стемнело полностью.

Моррис взял с собой фонарь и периодически включал его, подбирая наиболее удачное место на откосе, спускавшемся к речке, на безопасном расстоянии от тропы. Мягкая земля поддавалась легко, пока он не добрался до корней росшего над откосом дерева. Подумал о том, чтобы перейти на другое место, но уже вырыл достаточно большую дыру, чтобы в нее вошел сундук, оставалось только ее углубить, и начинать все заново не хотелось. Ведь сундуку предстояло пролежать в земле от силы месяц. Так что он сунул фонарик в раскоп, подложил под него камень, чтобы луч освещал корни, и принялся их перерубать.

Наконец Моррис задвинул сундук в дыру, забросал землей, утрамбовал ее лопатой. Решил, что сойдет. Трава на откосе не росла, так что лысого пятна никто не заметит. Главная задача заключалась в том, чтобы не оставлять записные книжки в доме, верно?

Верно?

Моррис не чувствовал облегчения, когда катил тележку по тропе, возвращаясь к дому. Из задуманного ничего не выходило, ничего. Словно злобная судьба стремилась разлучить его и записные книжки, точно так же, как не позволяла быть вместе Ромео и Джульетте. Это сравнение показалось ему абсурдным и удивительно точным. Он *был* влюблен. Чертов Ротстайн надул его последним романом «Бегун сбрасывает темп», но это ничего не меняло.

Его любовь была истинной.

Дома он сразу принял душ, как много лет спустя сделает подросток по имени Питер Зауберс, – в той же самой ванной, после похода к тому же откосу и склоненному дереву. Моррис стоял под струями, пока кожа на пальцах не сморщилась и не закончилась горячая вода. Потом вытерся и надел чистую одежду, которую взял в стенном шкафу спальни. Мальчишечья, старомодная, она тем не менее ему подходила (почти). Вымазанные землей джинсы и рубашку он бросил в стиральную машину. Точно так же годами позже поступит Пит Зауберс.

Моррис включил телевизор, сел в старое отцовское кресло – мать говорила, что оставила его как напоминание, на случай если ее вновь потянет на подобную глупость – и получил обычную порцию белиберды, щедро сдобренной рекламой. Подумал, что сценарий любого из этих роликов (прыгающие пузырьки со слабительным, прихорашивающиеся мамыши, поющие гамбургеры) мог написать Джимми Голд, и головная боль резко усилилась. Он решил сходить в «Зоуни» и купить упаковку анацина. Может, вместе с банкой пива, а то и двумя. Пиво ему повредить не могло. Голову он терял от крепкого спиртного; этот урок Моррис запомнил навсегда.

Он купил анацин, однако ему стало совсем худо, едва он подумал о том, как будет пить пиво в доме, набитом книгами, которые он не хотел читать, сидя перед телевизором, который не хотел смотреть. В то время как то, что ему *не терпелось* прочесть, находилось совсем рядом. Моррис редко пил в барах, но вдруг понял, что сойдет с ума, если не выберется в какое-нибудь

место, где найдет хорошую компанию и заводную музыку. Он не сомневался, что в этот дождливый вечер там найдется молодая женщина, которая захочет потанцевать.

Моррис заплатил за анацин и спросил молодого кассира, есть ли неподалеку бар с живой музыкой, до которого можно доехать на автобусе.

Молодой кассир ответил утвердительно.

2010 год

В ту пятницу Линда Зауберс пришла домой в половине четвертого. Пит с мокрыми после душа волосами сидел за столом на кухне и пил какао. Линда повесила пальто на один из крючков у двери, опять приложила внутреннюю сторону запястья ко лбу Пита.

– Холоден, как огурец, – сообщила она. – Чувствуешь себя лучше?

– Да, – кивнул он. – Когда Тина вернулась, я дал ей крекеры с арахисовым маслом.

– Ты хороший брат. И где она сейчас?

– У Эллен, где же еще?

Линда закатила глаза, Пит рассмеялся.

– Мать Божья, неужели я слышу сушилку?

– Да. В корзине лежала грязная одежда, и я ее постирал. Не волнуйся, я следовал инструкции, и проблем не возникло.

Линда наклонилась и поцеловала его в висок.

– Ты теперь моя маленькая прачка?

– Хотел тебе помочь, – ответил Пит. И сжал правую руку в кулак, чтобы скрыть волдырь.

Первый конверт пришел в снежный четверг на следующей неделе. С напечатанным адресом: мистеру Томасу Зауберсу, дом двадцать три по Сикомор-стрит. В верхнем правом углу была сорокачетырехцентровая марка, выпущенная в честь Года тигра. Обратный адрес в верхнем левом углу отсутствовал. Том – единственный представитель клана Зауберсов, находившийся дома в середине дня, – вскрыл конверт в прихожей, ожидая новый счет или напоминание об уплате уже полученного. Бог свидетель, в эти дни хватало и первых, и вторых. Но это был не счет и не напоминание.

Это были деньги.

Остальные конверты – каталоги дорогих товаров, которые они не могли себе позволить, и рекламные проспекты, адресованные ЖИЛЬЦУ, – выпали из руки Тома и рассыпались по полу. Том Зауберс этого даже не заметил.

– И что, *мать твою*, это значит? – спросил он низким, хриплым голосом.

Когда Линда пришла домой, деньги лежали на кухонном столе. Том сидел, глядя на маленькую стопку, положив подбородок на сложенные руки. Он напоминал генерала, обдумывающего стратегию битвы.

– Что это? – спросила Линда.

– Пятьсот долларов. – Том продолжал смотреть на купюры. – Восемь полсотенных и пять двадцаток. Пришли по почте.

– От кого?

– Не знаю.

Она поставила портфель на пол, подошла к столу, взяла деньги. Сосчитала, потом посмотрела на мужа широко раскрытыми глазами.

– Господи, Том. А что в письме?

– Никакого письма. Только деньги.

– Но кто...

– Не знаю, Лин. Но знаю одно.

– Что?

– Применение им мы найдем.

– Срань господня! – воскликнул Пит, когда ему сообщили. Он задержался на школьном турнире по волейболу и явился только к обеду.

– Давай без грубостей, – рассеянно ответила Линда. Деньги по-прежнему лежали на кухонном столе.

– Сколько? – спросил Пит, а после ответа отца добавил: – И кто их прислал?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Том. – На миллион долларов. – Впервые за долгое время Пит услышал, как отец шутит.

На кухню зашла Тина.

– У папы появилась волшебница-крестная, вот что я думаю. Эй, папа, мама! Посмотрите на мои ногти! У Эллен лак с блестками, и она поделилась со мной.

– Тебе очень идет, моя тыковка, – ответил Том.

Сначала шутка, потом комплимент. Этого хватило, чтобы убедить Пита, что он поступил правильно. Абсолютно правильно. Они не могли вернуть эти деньги, правда? Без обратного адреса не могли. И кстати, когда папа в последний раз называл Тинс тыковкой?

Линда пристально посмотрела на него:

– Ты ведь не знаешь, откуда они взялись?

– Нет, но можно мне немного?

– Мечтать не вредно, – ответила она и повернулась к мужу, уперев руки в бедра. – Том, очевидно, кто-то ошибся.

Том обдумал ее слова, а когда заговорил, его голос был спокойным:

– Маловероятно. – Он подтолкнул к ней конверт, постучав пальцем по адресу.

– Да, но...

– Никаких «но», Лин. Мы задолжали за отопление, а до того, как заплатим им, должны внести деньги за твою «Мастеркард». Или мы ее лишимся.

– Да, но...

– Лишившись кредитной карты, мы потеряем кредитный рейтинг. – По-прежнему никаких гавок-тявок. Спокойно и здраво. Убеждая. Питу казалось, будто раньше отец метался в бреду от высокой температуры, а теперь она спала. Том даже улыбнулся. Улыбнулся и взял Линду за руку. – Так вышло, что сейчас у нас остался только твой кредитный рейтинг, и мы должны его беречь. А кроме того, Тина, возможно, права, и у меня появилась волшебница-крестная.

Нет, подумал Пит, у тебя появился волшебник-сын.

– Подождите! – воскликнула Тина. – Я знаю, откуда они взялись!

Они повернулись к ней. Пита внезапно прошиб пот. Но она не могла узнать. Как? Правда, он по глупости ляпнул насчет зарытого сокровища...

– Откуда, милая? – спросила Линда.

– От этого Резервного фонда. Наверное, они получили деньги и теперь рассылают их.

Пит беззвучно выдохнул, только сейчас осознав, что какое-то время не дышал.

Том потрепал дочь по волосам.

– Они не рассылают наличные, тыковка. Они бы прислали чек. И кучу бланков для заполнения.

Пит направился к плите:

– Я хочу какао. Кто-нибудь еще хочет?

Как выяснилось, хотели все.

Конверты продолжали приходить.

Цена почтовой марки поднялась, но сумма не менялась. Примерно шесть дополнительных тысяч долларов в год. Деньги не слишком большие, но не облагаемые налогом, и их хватало для того, чтобы семья Зауберсов не утонула в долгах.

Детям строго-настрого запретили говорить кому-либо об этих конвертах.

– Тина не сможет держать язык за зубами, – как-то вечером сказала Линда Тому. – Ты это знаешь, да? Обязательно скажет своей идиотке подруге, а та растрезвонит всем вокруг.

Однако Тина хранила секрет, отчасти потому, что ее брат, которого она боготворила, пригрозил ей, что она больше не переступит порога его комнаты, если проболтается, но преимущественно потому, что помнила гавки-тявки.

Пит хранил конверты с деньгами в затянутой паутиной полости за расшатавшимся плинтусом в своем стенном шкафу. Раз в четыре недели или около того доставал пятьсот долларов и клал в рюкзак вместе с конвертом с напечатанным адресом. Он заготовил несколько десятков в школе, в классе обучения делопроизводству. Однажды заглянул туда после волейбольного матча, когда класс пустовал.

Он использовал различные почтовые ящики, отсылая письма мистеру Томасу Зауберсу, проживающему в доме двадцать три по Сикомор-стрит, осмотрительно и изощренно, будто матерый преступник, хотя и занимался благородным делом. Он постоянно боялся, что мать его разоблачит, начнет возражать (возможно, резко), и все вернется на круги своя. Даже сейчас ситуация была далека от идеала, изредка случались гавки-тявки, но Пит полагал, что идеально дела шли только у семей из сериалов, которые показывали по каналу «Ник эт найт».

Теперь они могли смотреть «Ник эт найт», и «Картун нетворк», и Эм-ти-ви, потому что, дамы и господа, в их дом *вернулось* кабельное телевидение.

В мае произошло еще одно радостное событие: отец нашел подработку в новой риелторской компании, стал «предпродажным инспектором». Пит не знал, что это такое, да и не хотел знать. Для работы Тому требовались телефон и домашний компьютер, он зарабатывал пусть маленькие, но деньги, а все остальное значения не имело.

И еще два изменения произошли после того, как начали приходить конверты с деньгами. Первое заключалось в том, что с ногами у отца стало лучше. В июне 2010 года (когда наконец поймали преступника, устроившего так называемую Бойню у Городского центра) Том начал понемногу ходить без костылей, а также снижать суточную дозу розовых таблеток. Описать второе изменение было сложнее, но Пит знал, что оно произошло. Тина тоже знала. Папа и мама чувствовали себя... ну... *счастливыми*, и теперь, если начинали спорить, выглядели не только злыми, но и виноватыми, словно гадили на внезапно свалившуюся на них удачу. Теперь они часто замолкали и переводили разговор на другое, прежде чем успевали распалиться. И они постоянно говорили о деньгах и о том, кто мог их присылать. Но обсуждения эти ни к чему не приводили, что Пита только радовало.

В тот год, где-то в августе, папа и мама повезли Тину и Эллен в зоопарк «Хэппидейл фарм», где посетители могли гладить и кормить животных. Именно этого шанса терпеливо дожидался Пит. Как только они уехали, он пошел на берег реки с двумя чемоданами.

Убедившись, что горизонт чист, он вновь вырыл сундук и переложил записные книжки в чемоданы. Похоронил сундук и понес добычу к дому. В коридоре второго этажа разложил лестницу на чердак и затащил туда чемоданы. В этом маленьком низком помещении зимой царил лютый холод, а летом – жуткая жара. Семья им практически не пользовалась: все лишнее по-прежнему хранилось в гараже. Зато здесь остались вещи от прежних жильцов дома двадцать три по Сикомор-стрит. Грязная детская коляска с одним перекошенным колесом, торшер с райскими птицами на абажуре, перетянутые шпагатом стопки журналов «Красная книга» и «Образцовое домашнее хозяйство», груда заплесневелых, зловонных одеял.

Пит сложил записные книжки в самом дальнем углу и прикрыл одеялами, но сначала наугад взял одну, сел под одной из двух лампочек, освещавших чердак, и раскрыл. Увидел рукописный текст, с четкими, очень маленькими, но легко читающимися буквами. И никаких зачеркиваний. Хотя он смотрел на первую страницу, наверху стояло число 482, обведенное

кружком. Из этого Пит сделал вывод, что перед ним продолжение не одной записной книжки, а пяти или шести. Как минимум пяти или шести.

Глава 27

Подсобка «Погонщика» за пять лет совершенно не изменилась: к запаху старого пива подмешивались вонь скотных дворов и острый привкус дизельного топлива со стоянок дальнобойщиков, расположившихся на этой половине великой равнины Небраски. И Стю Логан выглядел как всегда: тот же белый фартук, те же подозрительно черные волосы, тот же галстук с попугаями и пальмами на толстой розовой шее.

– Да это же Джимми Голд, чтоб мне провалиться на этом самом месте! – воскликнул он и улыбнулся прежней неприятной улыбкой, которая говорила: мы друг друга терпеть не можем, но давай сделаем вид. – Так ты пришел, чтобы вернуть мне долг?

– Да, – ответил Джимми и коснулся заднего кармана, в котором лежал пистолет, маленький, но ставящий последнюю точку, способный – при правильном использовании и решимости – оплатить все долги.

– Тогда заходи, – предложил Логан. – Выпей. Тебя, похоже, мучает жажда.

– Мучает, – согласился Джимми, – и кроме выпивки я бы...

С улицы донесся автомобильный гудок. Пит подпрыгнул и виновато огляделся, словно гонял шкурку, а не читал. Вдруг они вернулись рано, потому что эту тупицу Эллен укачало в автомобиле? Что, если его застукают с записными книжками? Все рухнет в один миг.

Он сунул записную книжку, которую читал, под старые одеяла (фу, как же они воняли) и, согнувшись, направился к люку, бросив короткий взгляд на чемоданы. Времени на них не оставалось. Спускаясь по лестнице, Пит вздрогнул: температура изменилась от нестерпимо высокой до обычной августовской. Пит сложил лестницу и поднял крышку люка, поморщившись от скрипа ржавой пружины и удара, с которым крышка встала на положенное место.

Прошел в спальню и выглянул на подъездную дорожку.

Пусто. Ложная тревога.

Слава Богу.

Он вновь поднялся на чердак, достал чемоданы. Положил в чулан под лестницей. Принял душ (вновь напомнив себе смыть всю грязь с ванны), переделся в чистое и лег на кровать.

Это роман, подумал он. С таким количеством страниц иначе и быть не может. И не один, записных книжек слишком много для одного. Даже для Библии столько не нужно.

К тому же... он заинтересовался. Хотел просмотреть записные книжки и найти ту, с которой все началось. Увидеть, стоящий ли это роман. Потому что по одной странице ничего сказать нельзя, правда?

Пит закрыл глаза и поплыл к дреме. Обычно днем он не спал, но утро выдалось насыщенным, в пустом доме царил тишина, и он решил не сопротивляться. Почему нет? Все хорошо, по крайней мере сейчас, и это его рук дело. Он заслужил отдых.

Но эти имя и фамилия... Джимми Голд.

Пит мог поклясться, что где-то их уже слышал. Может, в классе? От миссис Свидровски? Обычно она рассказывала им об авторах, произведения которых они читали. Возможно. Ей это нравилось.

«Может, я погуглю его, – подумал Пит. – Это я могу. Я могу...»

1978 год

Моррис сидел на железной койке, наклонив гудящую голову, свесив руки между ногами в оранжевых штанах, вдыхая ядовитую атмосферу мочи, блевоты и дезинфицирующего средства. Желудок превратился в свинцовый шар, который расширялся до тех пор, пока не заполнил все нутро, от промежности до адамова яблока. Глаза пульсировали в глазницах. В рот словно плеснули помоев. Нос заложило. Болели живот и лицо. Где-то хриплый, отчаявшийся голос выводил на одной ноте: «Любимая нужна мне та, что не сведет меня с ума, любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума, любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума...»

– Заткнись! – крикнул кто-то. – Это ты сводишь *меня* с ума, говнюк!

Пауза. Потом:

– Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума! Свинец в желудке расплавился и забулькал. Моррис соскользнул с койки, рухнул на колени (что вызвало новый взрыв боли в голове) и раскрыл рот над стальным унитазом. Поначалу ничего не произошло. Потом желудок сжался, и изо рта выплеснулась пара галлонов желтой жижи, напоминавшей зубную пасту. Голова болела нестерпимо, и Моррис подумал, что она сейчас просто взорвется. Он даже надеялся, что так и будет. Соглашался на все, лишь бы избавиться от этой боли.

Он не умер – его снова вырвало. На этот раз слабее, но эта блевота *жгла*. Затем последовал лишь позыв. Нет, не совсем позыв – толстые нити густой слизи свисали с губ, как паутина. Пришлось их смахнуть.

– *Хвалимся харчишками!* – крикнул кто-то.

Крики и смешки приветствовали эту остроту. У Морриса создалось ощущение, будто он в зоопарке, и он решил, что так оно и есть, только это необычный зоопарк, в котором все клетки занимали люди. Доказательством тому служил надетый на него оранжевый комбинезон.

Но как он сюда попал?

Моррис не помнил, однако когда-то он не смог вспомнить, каким образом оказался в доме в Шугар-Хайтс, который разнес. Вспоминался только собственный дом на Сикомор-стрит. И сундук, разумеется. Похороны сундука. Помнил он и деньги в кармане, двести долларов Джона Ротстайна. С ними он пошел в «Зоуни», чтобы купить пару банок пива, потому что болела голова и он чувствовал себя одиноким. Он говорил с кассиром, в этом Моррис не сомневался, но не мог вспомнить, что именно они обсуждали. Бейсбол? Вероятно, нет. Он носил бейсболку с логотипом «Сурков», но на этом его интерес к бейсболу и заканчивался. Потом практически полный провал. Впрочем, он не сомневался, что случилось что-то ужасное. Раз он очнулся, одетый в оранжевый комбинезон, догадаться об этом не составляло труда.

Он дополз до койки, забрался на нее, сел, подтянув колени к груди, обхватив их руками. В камере царил холод. Морриса начало трясти.

«Наверное, я спросил кассира про его любимый бар. До которого можно добраться на автобусе. И поехал туда, верно? Поехал и напился. Хотя знал, что творит со мной алкоголь. И я не просто немного выпил – нажрался до усрачки».

Да, несомненно, хотя знал, что ему не следует пить. Это, конечно, плохо, но он не мог вспомнить, что натворил потом, а это было намного хуже. После третьей порции (иногда после второй) он падал в черную дыру и мог выкарабкаться оттуда, лишь проснувшись с жутким похмельем, но трезвый. Алкогольная амнезия, так это называют. А будучи в черной дыре, он всегда... Что? Скажем так, устраивал дебоши. После одного попал в Ривервью, исправительную колонию для малолетних преступников. Благодаря другому оказался здесь. Где бы это *здесь* ни было.

Дебоши.

Гребаные дебоши.

Моррис надеялся, что все обошлось привычной, старомодной дракой в баре, без взлома замков и проникновения в чужой дом. Другими словами, без повторения случившегося в Шугар-Хайтс. Потому что он давно стал совершеннолетним, и исправительная колония ему никак не светила. Однако он не возражал против отсидки положенного срока, если действительно совершил преступление. При условии, Господи, пожалуйста, что преступление это не имело никакого отношения к убийству некоего гениального американского писателя. В противном случае ему еще долго не вдохнуть аромат свободы. Может, вообще никогда. Потому что речь шла не только о Ротстайне, верно? Память услужливо *подбросила* Кертиса Роджерса, интересующегося, есть ли в Нью-Хэмпшире смертная казнь.

Моррис вытянулся на койке, дрожа всем телом, думая: «Я здесь не поэтому. Не поэтому». Или поэтому?

Ему пришлось признать, что такое возможно, и не потому, что полиция связала его с двумя трупами в зоне отдыха. Он видел себя в баре или стрип-клубе, Морриса Беллами, исключенного из колледжа, самозваного знатока американской литературы, пьющего бурбон и наслаждающегося жизнью. Кто-то начинает говорить об убийстве Джона Ротстайна, великого писателя, американского *гения*, жившего в полной изоляции, и Моррис Беллами – нализавшийся в стельку и переполненный яростью, которую он обычно держит в клетке, этой черной зверюгой с желтыми глазами – поворачивается к скорбящему и говорит: «Он вовсе не казался гениальным, когда я разнес ему башку».

– Я бы *никогда*, – прошептал он. Голова болела все сильнее, и он чувствовал, что с левой половиной лица что-то не так. Она *горела*. – Я бы *никогда*...

Только откуда ему знать? Когда он напивался, любой день мог стать «Днем каких угодно свершений». Черная зверюга вырывалась из клетки. Подростком он разнес дом в Шугар-Хайтс, разнес почти в клочки, а когда приехали копы, дрался с ними, пока один не вырубил его ударом дубинки. В его карманах нашли женские украшения, по большей части бижутерию, но также несколько очень дорогих вещичек, которые хозяйка по легкомыслию не убрала в сейф, и прости-прощай, мы едем в Ривервью, где у нашего юного зада появится много новых близких друзей.

Моррис подумал: «Человек, по пьяни попавший в такой переплет, вполне может похвастаться тем, что убил создателя Джимми Голда, и ты это знаешь».

Хотя это могли быть копы. Если они установили его личность, а потом объявили в розыск. Вполне возможно.

– Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума!

– Заткнись! – на этот раз крикнул сам Моррис, то есть попытался крикнуть, но с залепленных блевотой губ сорвался только хрип. Как же болела голова! И лицо тоже. Он провел рукой по левой щеке и тупо уставился на чешуйки запекшейся крови, оставшиеся на ладони. Вновь ошупал щеку и обнаружил царапины, как минимум три. Царапины от ногтей, глубокие. И о чем нам это говорит? Что ж, обычно – хотя исключения бывают из каждого правила – мужчины бьют, а женщины царапают. Дамы делают это ногтями, потому что они у них зачастую достаточно длинные.

«Я пытался заставить кого-то поплясать, а она отказала мне и впилась в меня ногтями?»

Моррис старался вспомнить – и не мог. Он помнил дождь, пончо, фонарь, освещающий корни. Помнил, как рубил их. Вроде бы помнил желание послушать громкую заводную музыку, разговор с кассиром в мини-маркете «Зоуни». А потом? Чернота.

Он подумал: «Может, все-таки автомобиль? Чертов «бискейн». Кто-то видел, как он выезжал из зоны отдыха на девяносто втором шоссе, забрызганный справа кровью, или я что-то оставил в бардачке. Что-то со своим именем».

Но это было маловероятно. Фредди купил «шеви» у полупьяной завсегдатайши одного из баров Линна, заплатил деньгами, которые они внесли в общий котел. Она продала авто-

мобиль Гарольду Файнману – так, кстати, звали лучшего друга Джимми Голда в «Бегуне». Она никогда не видела Морриса Беллами, которому хватило ума держаться подальше от того места, где совершалась эта сделка. Кроме того, оставляя автомобиль на стоянке у торгового центра, Моррис разве что не написал на ветровом стекле: «ПОЖАЛУЙСТА, УКРАДИ МЕНЯ». Нет, сейчас «бискейн» стоял где-нибудь на пустыре, в Лоутауне или рядом с озером, полностью выпотрошенный.

«Тогда почему я здесь? Снова к исходной точке, как белка в колесе. Если какая-то женщина пометила мое лицо ногтями, может, я ей врезал? Может, сломал челюсть?»

Что-то шевельнулось за черным занавесом беспамятства. Если именно это и произошло, его обвинят в нападении, и он может отправиться в Уэйнесвилл, прокатиться в большом зеленом автобусе с решетками на окнах. Уэйнесвилл – это, конечно, плохо, но он отсидит несколько лет, если придется. Нападение – не убийство.

«*Пожалуйста*, пусть это будет не Ротстайн, – думал он. – Мне надо столько прочитать, все это чтиво лежит в безопасном месте и ждет. А самое главное, у меня есть деньги, чтобы прокормиться, пока я буду читать, больше двадцати тысяч в самых обычных купюрах по двадцать и пятьдесят долларов. Этого хватит надолго, если не шиковать. Пожалуйста, пусть это будет не убийство».

– Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума.

– Еще раз это скажешь, хрен моржовый, – крикнул кто-то, – и я вытащу твою прямую кишку через рот!

Моррис закрыл глаза.

Хотя к полудню самочувствие улучшилось, Моррис отказался от бурды, которую принесли на ленч, – лапши, плававшей в кроваво-красном соусе. Около двух часов дня в коридор вошла четверка охранников. Один, державший в руке планшет с зажимом для бумаг, начал выкрикивать фамилии:

– Беллами! Макгивер! Райли! Рузвельт! Сисъгарден! Холлоуэй! Шаг вперед!

– Сигарден, сэр! – поправил охранника здоровяк-негр из соседней камеры.

– Да мне плевать, будь ты Джон Ф. Говноед. Кто хочет говорить с назначенным судом адвокатом, шаг вперед. Кто не хочет, сидит дальше.

Шестеро названных арестованных выступили вперед. Кроме них, в камерах уже никого не осталось, во всяком случае, в этом коридоре. Остальных привезенных сюда прошлой ночью (к счастью, и большого поклонника творчества Джона Мелленкампа⁵) или освободили, или увезли на утреннее заседание суда. Как и положено мелкой рыбешке. После полудня, и Моррис это знал, в суде рассматривались серьезные дела. Именно после полудня разбиралось его маленькое приключение в Шугар-Хайтс. И командовала парадом судья Буковски, та еще сучка.

Когда дверь камеры распахнулась, Моррис молился Богу, в которого не верил. Нападение, Господи, хорошо? Просто нападение – не покушение на жизнь. И тем более не убийство. Господи, пусть они ничего не знают о том, что произошло в Нью-Хэмпшире или в некоей зоне отдыха в штате Нью-Йорк, хорошо? Не возражаешь?

– Выходите, парни, – скомандовал охранник с планшетом. – Выходите и поворачивайтесь направо. Встаньте на расстоянии вытянутой руки от стоящего впереди американского гражданина. Никого ни за что не хватаем. Не доставляйте нам хлопот – и мы ответим тем же.

Они спустились на лифте, достаточно большом, чтобы в нем разместилось стадо овец, прошли другим коридором, потом – одному Богу известно зачем, ведь их одежду составляли

⁵ «Мне нужна любимая...» – одна из песен известного американского рок-музыканта Джона Мелленкампа.

сандалии и комбинезоны без карманов – через рамку металлоискателя. И попали в комнату свиданий с восемью отгороженными кабинками, напоминавшими библиотечные. Охранник направил Морриса в кабинку номер три. Моррис сел и оказался лицом к лицу с назначенным судом адвокатом. Их разделяло плексигласовое окно, которое редко мыли, но часто пачкали. На стороне свободы сидел парень с плохой стрижкой, припорошенной перхотью. Под одной его ноздрей пузырился герпес, на коленях стоял потертый портфель. Выглядел парень лет на девятнадцать.

«И это все, что я заслужил, – подумал Моррис. – Это все, что я заслужил».

Адвокат указал на телефон на стене кабинки, открыл портфель. Достал один лист бумаги и неперенный блокнот с желтыми линованными страницами. Как только лист и блокнот легли на стол перед адвокатом, он поставил портфель на пол и сам взял телефонную трубку. Заговорил не сбивчивым юношеским тенором, но уверенным низким баритоном, никак не сочетавшимся с цыплячьей грудью под пурпурной тряпкой-галстуком.

– Вы по уши в дерьме, мистер... – он посмотрел на лист бумаги, – Беллами. И, думаю, должны готовиться к очень долгому пребыванию в тюрьме штата. Если только не сможете предложить что-то взамен.

«Он говорит о том, чтобы я отдал записные книжки», – подумал Моррис.

Мурашки побежали по его рукам, словно тувельки злых фей. Если его взяли за убийство Ротстайна, ему добавят убийства Кергиса и Фредди. Это означает пожизненное без права на досрочное освобождение. Он никогда не сможет вырыть сундук, не выяснит, какая судьба ждала Джимми Голда.

– Подайте голос. – Адвокат словно обращался к собаке.

– Сначала скажите мне, с кем я говорю.

– Элмер Кафферти, временно к вашим услугам. Вы предстанете перед судом... – он посмотрел на часы «Таймекс», еще более дешевые, чем его костюм, – через тридцать минут. Судья Буковски очень пунктуальна.

Стрела боли, не имевшая отношения к похмелью, пронзила голову Морриса.

– Нет! Только не она! Не может быть! Эта сука плавала в Ковчеге!

Кафферти улыбнулся:

– Как я понимаю, вы уже сталкивались с Великой Буковски.

– Проверьте мое дело, – мрачно ответил Моррис.

«Хотя там, возможно, ничего и нет, – подумал он. – Происшествие в Шугар-Хайтс могли сдать в архив, как я и говорил Энди. Гребаный Энди Холлидей! Он во всем виноват».

– Гомик.

Кафферти нахмурился:

– Что вы сказали?

– Ничего. Продолжайте.

– У меня есть только сведения о вашем аресте этой ночью. Хорошая новость: вашу судьбу будет решать другой судья, когда дело дойдет до процесса. Еще одна хорошая новость, во всяком случае, для меня: на процессе вас будет представлять кто-то еще. Мы с женой переезжаем в Денвер, и вы, мистер Беллами, станете моим воспоминанием.

В Денвер или в ад, для Морриса это значения не имело.

– Скажите, в чем меня обвиняют?

– Вы не помните?

– Спиртное вызывает у меня амнезию.

– Неужели?

– Да, – кивнул Моррис.

Может, стоило предложить записные книжки для обмена, хотя сама мысль об этом вызвала боль. Но даже если бы он сделал такое предложение... или если бы Кафферти сделал

такое предложение... оценил бы прокурор значимость содержимого записных книжек? Законники – не филологи. Возможно, для прокурора самый великий писатель – Эрл Стэнли Гарднер. Даже если записные книжки – все эти прекрасные «Молескины» – произведут впечатление на представителя юридической системы штата, что выгадает он, Моррис, отдав их? Получит одно пожизненное заключение вместо трех? Ха-ха!

«Я не могу, ни при каких обстоятельствах. И *не пойду* на это».

Энди Холлидей, возможно, был гомиком, благоухающим «Английской кожей», но мотивацию Морриса определил правильно. Кертиса и Фредди интересовали только деньги. Когда Моррис заверил их, что из старика можно будет вытрясти тысяч сто, они ему поверили. Рукописи Ротстайна? Для этих двух невежд написанное Ротстайном после 1960 года значило не больше, чем выработанная золотая жила. Сложись все по-другому, он бы предложил Кертису и Фредди свою долю денег за их долю записных книжек и не сомневался, что эта его идея прошла бы на ура. Если бы он отдал записные книжки сейчас – учитывая, что в них содержалось продолжение саги Джимми Голда, – то не получил бы за них ничего.

Кафферти постучал телефонной трубкой по плексигласу. Потом вновь поднес ее к уху.

– Кафферти вызывает Беллами. Кафферти вызывает Беллами. Выходите на связь, Беллами.

– Извините. Задумался.

– Немного поздновато, вы не находите? Постарайтесь не отвлекаться, будьте так любезны. Обвинения вам будут предъявлены по трем пунктам. Мой совет, если вы соизволите его принять: не признавайте своей вины ни по одному. Потом, представ перед судом, вы можете признать свою вину, если сочтете, что вам это выгодно. О залоге даже не заикайтесь, потому что Буковски не смеется: она квохчет, как ведьма.

Худшие опасения подтвердились, подумал Моррис. Ротстайн, Доу и Роджерс. Тройное убийство.

– Мистер Беллами? Наше время летит, и я теряю терпение.

Телефонная трубка сползла с уха, и Моррис с трудом вернул ее на место. Теперь уже ничего не имело значения, однако этот адвокат с простодушным лицом Ричи Каннингэма⁶ и необычным баритоном мужчины средних лет продолжал говорить, и слова, вливавшиеся в его ухо, в какой-то момент начали обретать смысл.

– Они двигаются снизу вверх, мистер Беллами, от легкого до самого тяжелого. Пункт первый: сопротивление аресту. На этапе предъявления обвинения вам целесообразно не признавать своей вины. Пункт два: нападение при отягчающих обстоятельствах, и не только на женщину. Вы также врезали первому подоспевшему копу, прежде чем он надел на вас наручники. Не признавайте вины и здесь. Пункт три: изнасилование при отягчающих обстоятельствах. Потом они могут добавить попытку убийства, но пока это только изнасилование... если про изнасилование можно сказать «только». И тут вы не...

– Минуточку, – прервал его Моррис. Коснулся свежих царапин на щеке и ощутил... надежду. – Я кого-то *изнасиловал*?

– Совершенно верно. – Голос адвоката был довольным. Возможно, по той причине, что клиент наконец-то услышал его. – После того как мисс Кора Энн Хупер... – Он достал из портфеля еще один лист бумаги и сверился с ним. – Это произошло вскоре после того, как она покинула кафе, в котором работает официанткой. Она направлялась к автобусной остановке на Лоуэр-Мальборо. Говорит, что вы ее подкараулили и затащили в проулок рядом с таверной «Стрелок», где провели несколько часов, отдавая должное «Джеку Дэниелсу», прежде чем пнули музыкальный автомат, и вас попросили на выход. В сумочке у мисс Хупер

⁶ Ричи Каннингэм – главный герой комедийного телесериала «Счастливые дни», выходившего на телеканале ABC (1974–1984).

была портативная «тревожная кнопка». Она сумела ее нажать. И расцарапала вам лицо. Вы сломали ей нос, повалили, придушили и вставили своего Джонса Хопкинса в ее Сару Лоренс. Когда патрульный Филип Эллентон сдернул вас с нее, вы все еще получали образование⁷.

– Изнасилование. Почему я?..

Глупый вопрос. Почему он провел три часа, разнося тот дом в Шугар-Хайтс, прервавшись лишь для того, чтобы поссать на обюссонский ковер?

– Понятия не имею, – ответил Кафферти. – Изнасилования мне чужды.

«И мне, – подумал Моррис. – Обычно. Но я пил «Джек Дэниелс», и меня понесло».

– Сколько мне дадут?

– Прокурор просит пожизненное. Если на процессе вы признаете вину и отдадите себя на милость правосудия, возможно, отделаетесь двадцатью пятью годами.

На процессе Моррис признал себя виновным. Сказал, что сожалеет о содеянном. Во всем винил спиртное. Отдался на милость правосудия.

И получил пожизненное.

⁷ Именами Джонса Хопкинса и Сары Лоренс названы два известных частных колледжа США.

2013–2014 годы

К тому времени, когда Пит Зауберс перешел в десятый класс, он уже знал, каким будет его следующий шаг: хороший колледж в Новой Англии, где литература, а не чистота, ценилась наравне с благочестием. Он уже начал поиск в Интернете и собирал буклеты. Эмерсоновский и Бостонский колледжи представлялись наиболее вероятными кандидатами, но и Брауновский не казался недостижимым. Мать и отец советовали ему не питать напрасных надежд, но Пит с ними не соглашался. Он чувствовал, что если не питать надежд и не лелеять честолюбивых замыслов подростком, во взрослой жизни скорее всего останешься никем.

И диплом он, конечно, хотел писать по английскому языку и литературе. К этому его подталкивали Джон Ротстайн и романы о Джимми Голде. Насколько знал Пит, во всем мире только он прочитал два последних, и они изменили его жизнь.

Говард Рикер, преподававший у него в десятом классе английский язык и литературу, также приложил руку к выбору жизненного пути Пита, пусть многие дети смеялись над ним, прозвав Рикки-Хиппи из-за цветастых рубашек и расклешенных брюк, которым он отдавал предпочтение. (Девушка Пита, Глория Мур, называла его Пастор Рикки, потому что, придя в возбуждение, он размахивал руками над головой.) Впрочем, редко кто пропускал уроки мистера Рикера. Вел он их интересно, вкладывал в них всю душу и в отличие от многих учителей искренне любил детей, которых называл «юные дамы и господа». Они закатывали глаза от его ретронарядов и скрипучего смеха... но в одежде мистера Рикера чувствовалась стильность, а скрипучий смех был невероятно заразительным.

На первый урок английского он влетел, как порыв ветра, поприветствовал всех, а потом написал на доске фразу, которую Пит запомнил на всю жизнь:

Это глупо!

– И что вы об этом думаете, юные дамы и господа? – спросил он. – Что, скажите на милость, это означает?

Класс молчал.

– Тогда я вам скажу. Так уж вышло, что это самое распространенное мнение, высказываемое юными дамами и господами вроде вас, обреченными посещать учебный курс, начинающийся отрывками из «Беовульфа» и заканчивающийся Раймондом Карвером. Среди учителей такие обзорные курсы иногда называют ГППГ, то есть «Галопом по гениям».

Класс заполнил его радостный скрипучий смех, руки взлетели вверх, как бы предлагая составить компанию. Большинство учеников рассмеялось, в том числе и Пит.

– Общий вердикт класса по «Скромному предложению» Джонатана Свифта? Это глупо. «Молодой Браун» Натаниэля Готорна? Это глупо. «Починка стены» Роберта Фроста? Относительно глупо. Требуемый отрывок из «Моби Дика»? *Ужасающе* глупо.

Опять смех. Никто из них не читал «Моби Дика», но все знали, что это трудная, скучная книга. Другими словами, глупая.

– Иногда! – воскликнул мистер Рикер, поднял руку и театрально нацелил палец в надпись на доске. – Иногда, мои дорогие дамы и господа, *критика эта правильная*. Я стою здесь, понурив голову, и признаю это. От меня требуют знакомить вас с такими древностями, которые я бы не трогал. Я вижу, как уходит увлеченность из ваших глаз, и моя душа стонет. Да! *Стонет!* Но я не опускаю рук, потому что знаю: большая часть того, чему я вас учу, – *не глупа*. Даже те древности, которые, как вам кажется, никак не связаны с настоящим и никогда не будут связаны, важны – и со временем вы это почувствуете. Следует ли мне сказать вам, как определить, что *глупо*, а что – *нет*? Следует ли поделиться с вами этим великим секретом? Поскольку у нас еще сорок минут этого урока, и мы пока не начали вместе грызть гранит науки, думаю, я скажу.

Он наклонился вперед, уперев руки в стол, его галстук болтался, как маятник. Пит чувствовал, что мистер Рикер смотрит прямо на него, словно зная – или интуитивно догадываясь – о невероятном секрете, который Пит хранил под грудой одеял на чердаке своего дома. Чем-то более важным, чем деньги.

– В какой-то момент по ходу этого учебного курса, может, даже сегодня, вы прочитаете что-то трудное, поймете прочитанное только отчасти и вынесете вердикт: «Это глупо!» Буду ли я спорить с вами, когда вы выскажете свое суждение на следующем уроке? Зачем мне заниматься столь бесполезным делом? Мы проведем вместе не так много времени, наш курс занимает только тридцать четыре недели, и я не собираюсь тратить их на споры о достоинствах какого-либо рассказа или стихотворения. Зачем мне это, если все мнения субъективны, и к однозначному ответу прийти невозможно?

Некоторые из учеников – и Глория в том числе – недоумевали, но Пит прекрасно понимал, о чем говорит мистер Рикер, он же Рикки-Хиппи, потому что, взявшись за записные книжки, прочитал и десятки критических эссе по творчеству Джона Ротстейна. Многие авторы считали Ротстейна одним из величайших писателей Америки, ставили его в один ряд с Фицджеральдом, Хемингуэем, Фолкнером и Ротом. Другие – меньшинство, но крикливое – заявляли, что произведения его второсортны и пусты. Пит прочитал рецензию в «Салоне», в которой автор назвал Ротстейна «королем острот и святым покровителем дураков».

– Ответ – это время, – поведал им мистер Рикер в первый день учебы Пита в десятом классе. Он расхаживал туда и обратно, шурша древними клешами, иногда размахивал руками. – Да! Время безжалостно отделяет *глупое* от *не глупого*. Это естественный, дарвиновский процесс. Именно поэтому романы Грэма Грина продаются в любом хорошем книжном магазине, а романы Сомерсета Моэма – нет. Разумеется, эти романы до сих пор существуют, но их надо заказывать, а для этого о них нужно знать. Большинство современных читателей его не знают. Кто когда-нибудь слышал о Сомерсете Моэме, поднимите руку.

Ни одна рука не поднялась.

Мистер Рикер кивнул, как показалось Питу, весьма мрачно.

– Время определило, что мистер Грин – это *не глупо*, тогда как мистер Моэм... нет, не то чтобы глупо, но достойно забвения. Он написал несколько очень хороших романов, на мой взгляд... «Луна и грош» – роман замечательный, мои юные дамы и господа, *замечательный*, и еще он написал множество великолепных рассказов, но ничего из этого не включено в ваш учебник. Плакать ли мне из-за этого? Негодовать? Потрясать кулаками и кричать о допущенной несправедливости? Нет. Этого я делать не буду. Такое разделение – процесс естественный. Вы это поймете, юные дамы и господа, хотя к тому времени, когда это случится, я превращусь в точку в вашем зеркале заднего вида. Надо ли мне говорить вам, как это случится? Вы что-то прочтете... скажем, «*Dulce et decorum est*»⁸ Уилфреда Оуэна. Можем ли мы использовать это стихотворение как пример? Почему нет?

Потом, более сильным голосом, от которого по спине Пита побежали мурашки, а горло сжалось, мистер Рикер прокричал:

– «Мы, словно под поклажей бедняки, / Согнувшись, с перебитыми ногами, / Захлебываясь кашлем...»⁹ И так далее, и так далее. В том же духе. Кто-то из вас скажет: «Это глупо». Нарушить ли мне обещание не спорить, даже если я считаю стихотворение мистера Оуэна величайшим из тех, что посвящены Первой мировой войне? Нет! Это всего лишь мое мнение, видите ли, а мнение, как и очко, есть у каждого.

Юные дамы и господа загоготали.

Мистер Рикер выпрямился в полный рост.

⁸ «Отрадно и почетно» (лат.).

⁹ Пер. Н. Никитенко.

– Я, возможно, накажу тех, кто будет мешать занятиям в моем классе, я умею поддерживать дисциплину, но я никогда не отнесусь к вашему мнению без должного уважения. И однако! И однако!

Палец поднялся.

– Пройдет время! *Tempus* действительно *fugit!* Стихотворение Оуэна вывалится из вашей памяти, и в этом случае ваш вердикт «это глупо» окажется верным. Во всяком случае, для вас. Но некоторым оно вновь придет на ум. И вновь. Причем, возвращаясь, оно будет приобретать все новую глубину, обусловленную вашим взрослением. Возвращаясь, оно будет казаться менее глупым и более жизненным. Более важным. Пока не *засияет*, юные дамы и господа. Пока не *засияет*. На этом позвольте закончить разглагольствования моего первого дня, и я попрошу вас открыть шестнадцатую страницу этой замечательной книги под названием «Язык и литература».

Одним из рассказов, которые мистер Рикер предложил им для прочтения в тот год, стал «Победитель на деревянной лошадке» Дэвида Герберта Лоуренса, и, конечно же, многие юные дамы и господа мистера Рикера (включая Глорию Мур, которая все больше надоедала Питу, несмотря на ее действительно великолепную грудь) сочли этот рассказ глупым. Но не Пит, прежде всего потому, что жизнь заставила его повзрослеть раньше других. И когда 2013 год уступил место четырнадцатому – году знаменитого Полярного вихря, когда все обогреватели Среднего Запада работали с максимальной нагрузкой, сжигая деньги мешками, – история эта часто приходила ему на ум, приобретая все большую глубину. Снова и снова.

Семья, описываемая в этом рассказе, вроде бы имела все, но нет, им казалось, что этого недостаточно, и главный герой, мальчик по имени Пол, постоянно слышал, как дом шепчет: «Денег должно быть больше! Денег должно быть больше!» Пит Зауберс полагал, что некоторым ученикам это казалось глупым. Этим счастливым не приходилось слышать вечерних гавок-тявок из-за счетов, которые следовало оплатить. Или из-за цены пачки сигарет.

Юный герой рассказа Лоуренса открыл сверхъестественный способ добывания денег. Игрушечная лошадка-качалка галопом доставляла его в воображаемую страну везения, где Пол узнавал победителей на скачках, которые проводились в реальном мире. Он заработал тысячи долларов, но дом продолжал шептать: «Денег должно быть больше!»

Наконец последняя поездка на игрушечной лошадке, крупный выигрыш – и Пол умирает от кровоизлияния в мозг или чего-то еще. У Пита не болела голова после того, как он нашел закопанный сундук, но у него тоже была лошадка-качалка, верно? Да. Его собственная лошадка-качалка. К 2013 году, когда он познакомился с мистером Рикером, лошадка-качалка начала сбавлять темп: сундучные деньги практически иссякли.

Они помогли родителям пройти через тяжелый и страшный период, без них семейный корабль не выдержал бы ударов стихии и пошел ко дну. Пит это знал и ни разу не пожалел о том, что сыграл роль ангела-хранителя. Говоря словами старой песни, сундучные деньги построили мост над бурной водой, и на другой стороне ситуация изменилась к лучшему – причем значительно. Худший этап рецессии остался позади. Мама снова работала полный день и за год получала на три тысячи долларов больше. Отец создал собственную фирму, не совсем риелторскую, но занимавшуюся подбором недвижимости, и у него появились клиенты. Пит не очень понимал, что все это значило, но знал, что отец зарабатывает какие-то деньги. А со временем их могло стать больше, потому что рынок недвижимости продолжал расти. Некоторые объекты отец уже продавал сам. Но главное, он больше не принимал болеутоляющие и ходил гораздо лучше. Костыли уже год стояли в чулане, и тростью отец пользовался только в дождливые и снежные дни, когда болели кости и суставы. Все было хорошо. Просто отлично.

И однако, как мистер Рикер говорил на каждом занятии. И однако!

Теперь «однако», очень даже большое, касалось Тины. Многие ее подруги из прежнего района в Уэст-Сайде, включая Барбару Робинсон, которую Тина обожала, собирались продолжать обучение в Чэпл-Ридже, частной школе с прекрасной репутацией: многие и многие ее выпускники поступали в хорошие колледжи. Мама сказала Тине, что они с папой не представляют себе, как им удастся перевести ее в Чэпл-Ридж сразу из средней школы. Рассматривался только второй год обучения, и то при условии, что финансовое положение семьи улучшится.

– Но я там *никого* не буду знать, – ответила Тина и заплакала.

– Ты будешь знать Барбару Робинсон, – возразила мама, и Пит (он подслушивал в соседней комнате) мог сказать по ее голосу, что она тоже на грани слез. – А также Хильду и Бетси.

Но Тинс была младше тех девочек, и Пит знал, что только Барбс могла считаться настоящей подругой его сестры, когда они жили в Уэст-Сайде. Хильда Карвер и Бетси Девитт скорее всего Тинс и не помнили. Как через год-другой забудет ее и Барбара. Их мама, похоже, мало что помнила о старших классах и о том, как быстро забываются в них друзья детства.

Ответ Тины на удивление кратко и точно облек эти мысли в слова:

– Да, но они не будут знать *меня*.

– Тина...

– У вас есть *деньги*! – воскликнула Тина. – Эти загадочные деньги, которые приходят каждый месяц. Почему я не могу получить часть на Чэпл-Ридж?

– Потому что мы до сих пор не оправились от трудных времен, милая.

На это Тина возразить ничего не могла, потому что мама сказала правду.

Его планы на обучение в колледже представляли собой еще одно «однако». Пит знал, что для некоторых его друзей, может, для большинства, колледж находился на орбите одной из дальних планет Солнечной системы. Но если он хотел поступить в хороший колледж (*Брауновский*, шептал его разум, *диплом по английскому языку и литературе Брауновского колледжа*), заявление следовало подавать рано, еще в первом семестре выпускного класса. Заявления сами по себе стоили денег, как и летние занятия, без которых он никак не мог обойтись, если хотел набрать как минимум 670 баллов в математической части Школьного оценочного теста. Он работал в библиотеке на Гарнер-стрит, но тридцать пять долларов в неделю погоды не делали.

Бизнес отца потихоньку разрастался и теперь требовал офиса в деловой части города, вот вам и «однако» номер три. Помещение с низкой арендной платой на верхнем этаже, зато в деловом центре, могло принести дивиденды, но означало предварительные затраты, а Пит знал – пусть даже никто не говорил об этом вслух, – что отец рассчитывал на загадочные деньги, чтобы удержаться на плаву в начальный, критический период. Они все делали ставку на эти загадочные деньги, и только Пит знал, что они иссякнут до конца четырнадцатого года.

И да, конечно, что-то он тратил на себя. Не огромные суммы – это вызвало бы вопросы, – но сотню там, сотню здесь. Блейзер и туфли для поездки с классом в Вашингтон. Несколько дисков. И книги. Он стал фанатом книг, прочитав записные книжки и влюбившись в творчество Джона Ротстайна. Начал с его современников-евреев, Филипа Рота, Сола Беллоу Ирвина Шоу (роман «Молодые львы» казался Питу невероятно завораживающим, и он не понимал, почему это не классика), а потом увеличил охват. Всегда покупал книги в бумажной обложке, но и они стоили от двенадцати до пятнадцати долларов, если не удавалось найти подержанные.

«Победитель на деревянной лошадке» произвел на Пита столь сильное впечатление, потому что он буквально слышал шепот собственного дома: *Денег должно быть больше!* Однако в скором времени их станет меньше. Но ведь в сундуке лежали не только деньги, верно?

Это было еще одним «однако». И об этом Пит Зауберс с течением времени задумывался все чаще и чаще.

Итоговой работой по учебному курсу «Галопом по гениям» мистера Рикера для Пита стал шестнадцатистраничный анализ трилогии о Джимми Голде, с цитатами из различных рецензий и нескольких интервью самого Ротстайна, которые тот дал, прежде чем уехать на ферму в Нью-Хэмпшире и полностью отгородиться от окружающего мира. Закончил его Пит упоминанием о поездке Ротстайна по немецким лагерям смерти в качестве репортера «Нью-Йорк геральд», за четыре года до публикации первого романа о Джимми Голде.

«Я уверен, что эта поездка стала самым важным событием в жизни мистера Ротстайна, – написал Пит. – И точно самым важным в его писательской жизни. В поиске смысла существования Джимми постоянно возвращается к тому, что мистер Ротстайн увидел в этих лагерях, и по этой причине Джимми постоянно ощущает внутреннюю пустоту, когда пытается жить как обыкновенный американский гражданин. Для меня наиболее четко это выражено броском пепельницы в телевизор в романе «Бегун сбрасывает темп». И бросает ее Джимми в тот самый момент, когда по Си-би-эс показывают специальный репортаж о холокосте».

Когда мистер Рикер раздал работы, Пит обнаружил на обложке (распечатанной на принтере фотографии, на которой Ротстайн, тогда еще молодой человек, сидел за столиком в «Сардисе» с Эрнестом Хемингуэем) большую пятерку с плюсом. Под отметкой мистер Рикер написал: «Останься после урока».

Когда остальные ученики ушли, мистер Рикер посмотрел на Пита так пристально, что тот испугался, а не собирается ли любимый учитель обвинить его в плагиате. Потом мистер Рикер улыбнулся:

– Это лучшее ученическое эссе, что я читал за двадцать восемь лет работы в школе. Самое уверенное и прочувствованное.

Пит покраснел от удовольствия.

– Спасибо. Правда. Огромное спасибо.

– Хотя я бы поспорил с твоим выводом. – Мистер Рикер откинулся на спинку стула и переплел пальцы на затылке. – Характеристика Джимми как благородного американского героя вроде Гека Финна не подкреплена заключительной книгой трилогии. Да, он бросает пепельницу в экран телевизора, но это не героическое деяние. Знаешь, логотип Си-би-эс – это глаз, и деяние Джимми – ритуал, ослепляющий его внутренний глаз, тот, что видит правду. Это не мое открытие, а цитата из рецензии Джона Кроу Рэнсома на роман «Бегун сбрасывает темп». Лесли Фидлер говорит примерно то же самое в своей книге «Любовь и смерть в американском романе».

– Но...

– Я не собираюсь развенчивать твои умозаключения, Пит. Я лишь говорю, что ты должен следовать фактам, которые содержатся в книге, и не опускать то, что противоречит твоему выводу. Что делает Джимми после того, как бросает пепельницу в телевизор, и после того, как его жена произносит знаменитую фразу: «Ублюдок, как теперь дети будут смотреть Микки-Мауса?»

– Он едет в магазин и покупает новый телевизор, но...

– Не просто телевизор, а *первый в квартале цветной телевизор*. А потом?

– Разрабатывает блестящую стратегию рекламной кампании домашнего чистящего средства «Даззи-Ду». Но...

Мистер Рикер вскинул брови, ожидая продолжения. Но как Пит мог сказать ему, что годом позже Джимми глубокой ночью тайком прокрадется в агентство со спичками и банкой керосина? Что Ротстайн предвосхитит движение против войны во Вьетнаме и борьбу за гражданские права, руками Джимми устроив пожар, практически уничтоживший здание, известное в городе как Храм рекламы? Что потом Джимми на попутках уедет из Нью-Йорка, ни разу не оглянувшись, оставив семью, и отправится осваивать новые земли, совсем как Гек и Джим? Пит не мог ничего сказать, потому что эта история излагалась в романе «Бегун ухо-

дит на Запад», существовавшем в семнадцати плотно исписанных записных книжках, которые более тридцати лет пролежали в зарытом сундуке.

– Давай выкладывай свои «но», – ровным голосом предложил мистер Рикер. – Больше всего люблю дискуссию о книге с человеком, который умеет отстаивать свою точку зрения. Как я понимаю, ты уже опоздал на свой автобус, но я с радостью подвезу тебя домой. – Он постучал пальцем по обложке эссе Пита, на которой Джонни Р. и Эрни Х., эти титаны американской литературы, чокались большущими стаканами с мартини. – Если отставить в сторону неподкрепленный вывод, который я отношу к трогательному желанию увидеть свет в конце крайне мрачного последнего романа, это удивительная работа. Просто удивительная. Но продолжим. Какие у тебя «но»?

– Наверное, никаких, – ответил Пит. – Вы, пожалуй, правы.

Но на самом деле мистер Рикер ошибался. Если в конце романа «Бегун уходит на Запад» еще оставалось ощущение, что Джимми Голд может продаться, оно развеивалось как дым в последнем и самом длинном романе цикла, «Бегун поднимает флаг». Лучшей книги Пит за свою жизнь не читал. Более грустной – тоже.

– В своей работе ты не упоминаешь смерть Ротстайна. – Да.

– Позволь спросить почему?

– Потому что, на мой взгляд, его смерть никак не связана с темой. Да и получилось бы слишком длинно. Опять же... ну... глупо с его стороны – стать жертвой обычных грабителей.

– Ему не следовало держать наличные в доме, – заметил мистер Рикер, – но он держал, и множество людей знало об этом. Но не суди его за это слишком строго. Многие писатели по части денег ведут себя глупо и не знают им цену. Чарлз Диккенс содержал целое семейство лодырей, включая своего отца. Сэмюэль Клеменс едва не обанкротился из-за неудачных сделок с недвижимостью. Артур Конан Дойл отдал тысячи долларов лжемедиамам и потратил еще многие тысячи на фальшивые фотографии фей. По крайней мере Ротстайн завершил свой главный труд. Если только ты не веришь, как некоторые другие...

Пит посмотрел на часы:

– Э... мистер Рикер? Я еще успею на автобус, если потороплюсь.

Мистер Рикер вскинул руки над головой в знакомом жесте.

– Конечно, конечно, иди. Я просто хотел поблагодарить тебя за удивительное эссе и дать дружеский совет: когда будешь писать аналогичную работу в следующем году... и в колледже... не позволяй своей доброй натуре туманить критический взгляд. Критический взгляд должен оставаться холодным и ясным.

– Хорошо, – пообещал Пит и поспешил за дверь.

Меньше всего он хотел обсуждать с мистером Рикером вероятность того, что грабители, убившие Джона Ротстайна, украли не только деньги, но и неопубликованные рукописи, которые, возможно, уничтожили, решив, что никакой ценности они не представляют. Он пару раз обдумывал эту идею: передать записные книжки полиции, пусть это и означало, что родители узнают, кто присылал загадочные деньги. В конце концов, эти записные книжки не только представляли собой литературное сокровище, но и являлись вещественным доказательством в деле об убийстве. Вот только преступление это совершили очень *давно*, можно сказать, в незапамятные времена. И не стоило ворошить прошлое.

Верно?

Автобус, естественно, уже уехал, а значит, Пита ждала двухмильная прогулка. Он не возражал. Он все еще светился от похвалы мистера Рикера, и ему было о чем подумать. Главным образом – о неопубликованных произведениях Ротстайна. Его рассказы, по мнению Пита, были неровными, но среди них встречались жемчужины. А вот стихотворения, опять же по скромному мнению Пита, Ротстайну не удавались. Но два последних романа о Джимми Голде были...

золотыми. По реальным фактам, вплетенным в повествование, Пит догадался, что последний роман, в котором Джимми поднимает горящий флаг на антивоенном митинге в Вашингтоне, Ротстайн закончил в 1973 году, потому что Никсон еще был президентом. И Пит даже представить не мог, почему Ротстайн не опубликовал ни последние романы о Джимми Голде, ни еще один, о Гражданской войне. Они были очень хороши!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.